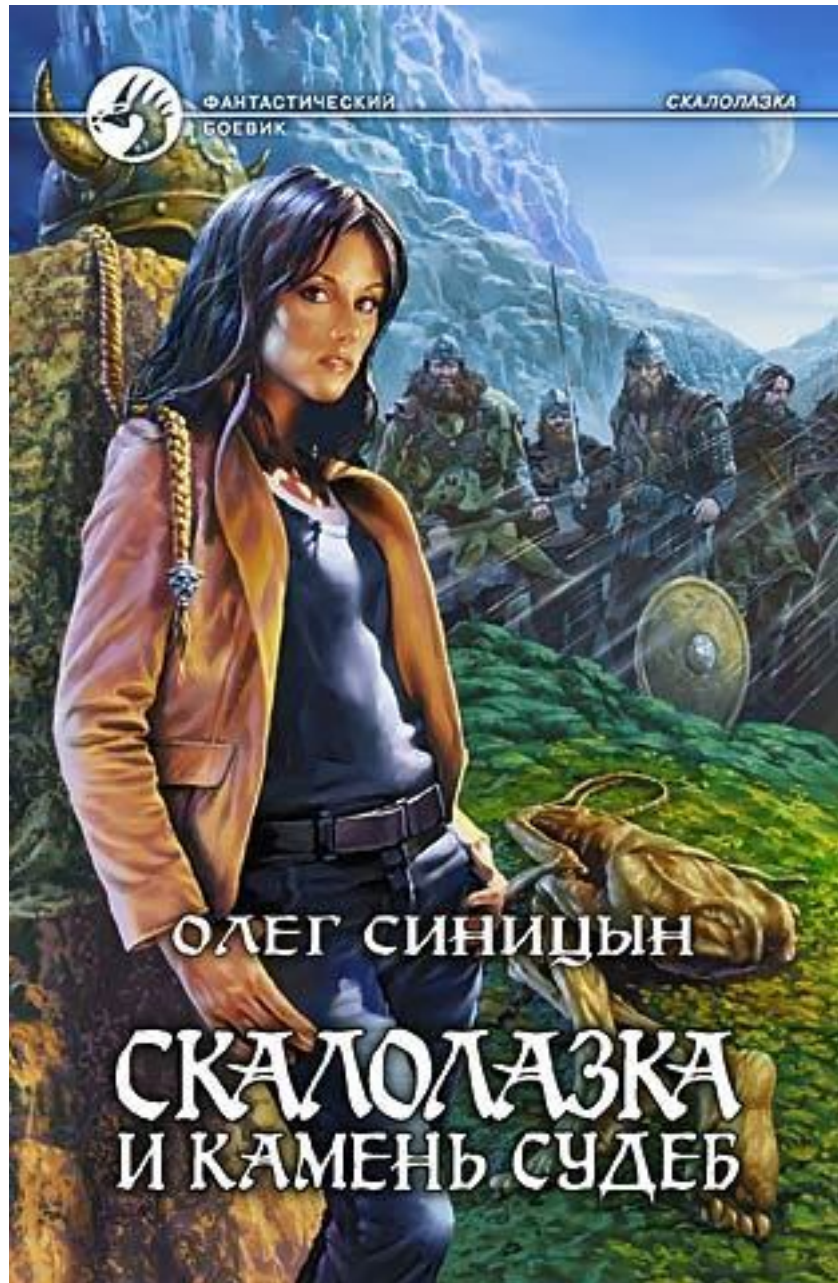

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СКАЛОЛАЗКА

ОЛЕГ СИНИЦЫН

СКАЛОЛАЗКА И КАМЕНЬ СУДЕБ

Скалолазка

Олег СИНИЦЫН

Скалолазка и Камень Судеб

«Автор»

2004

Синицын О. Г.

Скалолазка и Камень Судеб / О. Г. Синицын — «Автор»,
2004 — (Скалолазка)

И снова неугомонная судьба бросает Алену Овчинникову, авантюристку, скалолазку и переводчицу, в круговорот новых приключений. Двое незнакомцев попросили девушку отыскать древний скандинавский артефакт, в качестве награды пообещав раскрыть тайну исчезновения ее отца. Московские проспекты, туманы Лондона, горы Южной Европы... Нить поисков призрачна, тонка и сопровождается чудесами. Конкуренты сильны, коварны и не отстают ни на шаг. Но награда превзойдет все ожидания!

© Синицын О. Г., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Олег Сеницын

Скалолазка и Камень Судеб

Часть I

Британская мумия

Глава 1

Посреди Атлантики

Когда окружающие ласкают твой слух елейными речами, когда заискивающе смотрят в глаза и, стараясь угодить, кидаются на каждый взмах твоей руки – на ум приходит только одно: им что-то нужно. Очень-очень нужно, до коликов в животе.

В такие моменты внезапно понимаешь, что обладаешь беспредельной властью. Такой властью, какая бывает у сантехника, когда ваша канализационная труба вдруг задумалась о сущности своего бытия. Подумала-подумала, да и изрыгнула его на новенькие после ремонта полы и стены. Могущество слесаря в подобных ситуациях просто невероятно. Куда до него президенту нефтяной компании, известному хоккеисту или просто бизнесмену Пете на «шестисотом», когда это самое у них и произошло!

«Нет, коньяк пью только десятилетней выдержки. Ботинки не буду снимать: один хрен – грязнее не станет...»

Ощущая себя таким сантехником, я взошла на борт небольшого норвежского судна «Мельде», дрейфовавшего в Атлантическом океане между Ирландией и Гренландией. В майке и шортах было совершенно не холодно – Гольфстрим все-таки. Свежий морской воздух пьянил, солнце на чистом безоблачном небе походило на раскаленную сковороду и припекало. Скрутила волосы в пучок, чтобы немного позагорать: лето подходит к концу, а я даже на пляж не выбралась!

Заискивающие мужские голоса ласкали меня, перекрывая плеск волн за бортом:

– Мисс Овчинникова! Мы вас ждали! Можно вашу ручку? Как прошел перелет?.. Вам что-нибудь нужно?

– Хочу капучино со сливками и коньяком. К нему бы неплохо бисквитных пирожных, жареную куропатку, лангустов и пару миллионов долларов – для безбедного существования.

Над палубой повисло неловкое молчание.

– Пары миллионов у нас нет, – серьезно произнес кто-то.

– Это шутка, – виновато сказала я.

Никто даже не улыбнулся. Чего они такие закомплексованные?

Большинство лиц на суденышке были мне знакомы. Сплошные археологи! Человек пять-шесть. Университеты Стокгольма и Готланда. Шведы. Что их вынудило залезть на эту тесную шхуну и отправиться в морское путешествие? Раньше я часто видела их в шахтах, траншеях и шурфах. Что же они собрались копать здесь, посреди океана?

– Ладно, ребята, что случилось-то? – спросила я, отдавая тяжелые сумки в протянутые руки. – Что за спешка? Никак Атлантида поднялась из пучины?

Вызов на борт «Мельде» показался мне весьма странным. Как городской трамвай у перрона Ярославского вокзала.

Моя профессия – скалолаз-лингвист, и это не шутка. Нет, я не монтирую рекламные плакаты на столбах и высотных зданиях. Я выполняю перевод древних надписей, которые встреча-

ются на скалах и античных храмах. Основное время работаю в архиве государственных актов, но иногда, когда археологи в какой-нибудь части земного шара натываются на старинный текст, до которого со стремянки не добраться, вызывают меня. Передают описание места, фотографии, чтобы я собрала нужное снаряжение. Высылают приглашение для получения визы. Ну, дальше покупаю авиабилет, лечу в указанную страну. В аэропорту меня встречают, везут на раскопки...

В этот раз сборы и перелет прошли в паническом хаосе. Все закрутилось после короткого непонятного звонка доктора Эрикссона. Обрывистые, сбивчивые фразы. Ни толики информации – что, куда, зачем? Не говоря уж о фотографии места исследования. Упомянул только, чтобы я ориентировалась на лед. Приглашение не прислал. В итоге полетела в Ирландию без визы, полностью уверенная, что на таможне меня развернут лицом к Европе и пинком отправят обратно. Не отправили. В аэропорту Дублина ожидали какие-то люди в строгих костюмах, которые быстро воткнули в паспорт сверкающую голограммами визу. Дальше – короткая поездка на автомобиле до города-порта Корк, где меня запихнули в гидросамолет, который взял курс на запад Атлантики.

После полутора часов полета самолет опустился на воду неподалеку от «Мельде», больше походившего на рыболовецкую шхуну. Я глядела в иллюминатор и не могла понять: куда меня привезли? Ни клочка земли на горизонте. Может, тут нырять нужно? Но тогда получается, что меня с водолазом перепутали... Или на судне матросы слегли от гриппа и некому взобраться на мачту? Для этого стоило тащить специалиста из самой Москвы?

...Как только заботливые руки избавили меня от сумок со снаряжением и, подхватив под локти, переместили через высокий борт, из толпы выдвинулся доктор Эрикссон. Возрастом за пятьдесят, маленького роста, ниже меня на целую голову. Его круглая плешь блестела на солнце в окружении рыжих волос и жутко напоминала выбритую макушку католического монаха. Доктор улыбался вместе с остальными, но как-то натянуто. Руки суетливо бегали по одежде, словно поправляя ее. Он волновался и явно куда-то торопился. Но куда, поведайте мне, можно спешить на дрейфующем суденышке?

– Рад приветствовать вас на нашем скромном корабле, – произнес он, бережно пожимая мою руку.

– Я тоже рада вас видеть, – оглядываясь, ответила я, попутно сдавив руку археолога. Его зрачки мгновенно расширились, а на лбу выступили капли пота. – Года два, кажется, не виделись, Марк. С тех пор когда вы изучали норвежские фьорды.

– Да-да, с тех самых, с тех самых...

Он вымученно улыбнулся и вытащил руку из моих тисков. Едва заметно вздохнул.

– И все-таки, никак в толк не возьму: зачем вы меня вызвали? Акваланг как-то не хватила.

– Акваланг не потребуется, – ответил Эрикссон и зачем-то добавил: – Наверное... Так вам приготовить кофе? Правда, без жареной куропатки и лангустов, но с сэндвичами из консервированного тунца.

Океан выглядел, как и положено, впечатляюще – поражал взор и возбуждал романтические чувства. Темно-синие воды без конца и края. Под килем – пара километров до дна. Тяжелые волны раскачивали «Мельде». Палуба кренилась то в одну, то в другую сторону, но это никого не беспокоило, кроме меня. Почему-то хотелось обязательно ухватиться за жесткую конструкцию, намертво привинченную к полу. А еще лучше – попросить кого-нибудь привязать меня к смотровой мачте. Такое впечатление, что в любой момент могу опрокинуться за борт.

Гидросамолет покачивался метрах в пятидесяти, улетать вроде не собирался. За ним на горизонте, варварски нарушая чистоту безоблачного неба, темнела крохотная тучка.

Я вздохнула и произнесла:

– Невозможно выразить, как я хочу кофе, доктор. Пока добиралась сюда, не удалось поспать даже десяти минут. Но чувствую, что времени для кофе у нас нет совершенно, а природная деликатность не позволяет вам сразу перейти к делу.

– Вы правы. Извините, ради бога.

– Ничего страшного. Так в чем проблема? На подходе крупный косяк сардин?

– Нет, разумеется. Пойдемте.

Он взял меня под руку и отвел к противоположному борту, навстречу слепящему солнцу. В пять шагов мы пересекли шхуну, прошли от одного борта к другому. И мне снова сделалось неуютно, и я снова вспомнила о двухкилометровой глубине под ногами.

– Судно предназначено для океанских плаваний? – осторожно спросила я.

– Мы торопились, – ответил археолог, протягивая мне кепку с длинным козырьком. – Поэтому пришлось воспользоваться первым попавшимся.

Я взяла кепку, но надеть не успела. Посмотрела вперед и замерла с раскрытым ртом. Почему я этого раньше не увидела? Впрочем, понятно почему. Виной – сияние солнца.

За правым бортом белела глыба айсберга высотой с пятиэтажный дом. Непропорциональная ледяная каланча с отвесными стенами и гнездами чаек на редких выступах. Откуда он попал в Гольфстрим? Как до сих пор не растаял? Чувствую, это случится скоро. Хлипкая башня не внушала уверенности, что доживет до завтра...

Солнце настойчиво било в глаза, и я наконец надела кепку, которую дал Эрикссон. Длинный козырек сразу отсекал назойливые лучи.

– Его заметил пилот истребителя с британского авианосца. В районе пятьдесят второй широты.

– И что в этом леденце возбуждает ваш археологический интерес?

– Видите – на правой стороне почти у самой воды изо льда выступает деревянный брус?

Да, я видела почерневшую деревяшку, торчавшую из айсберга.

– Если подойти справа, то откроется борт древней ладьи, вросшей в лед. Судя по конструкции – примерно седьмой век нашей эры. Скандинавская постройка, аналогичная судну из Квальзунда.

– Викинги... – произнесла я.

– Точнее – предвестники викингов. Вероятно, судно затерли дрейфующие льды и унесли в Северный Ледовитый океан. За века оно полностью покрылось льдом, сделалось частью какого-то массива. Продолжая дрейфовать, однажды массив попал в теплые широты и разрушился на отдельные глыбы. Одну из них мы встретили... На радость и печаль.

– Вам не достать судно, – догадалась я.

– К сожалению, вы правы. Древний транспорт мог стать замечательной находкой! Мне кажется, это погребальная ладья влиятельного конунга. Период раннесредневековой Скандинавии. За все время археологических изысканий никто не встречал ничего подобного. Викинги сжигали умерших вместе со всем имуществом.

– Эту ладью не сожгли. Почему? – спросила я. – Ведь огонь – основа погребального ритуала.

– Сейчас трудно определить. Важно другое. Ладья может хранить неисчислимые тайны! Не меньшие, чем гробницы египетских фараонов. Доспехи, одежда, оружие, украшения, статуэтки, рунные тексты! Целое судно с покойным конунгом и наверняка с дружиной!.. В любом случае мои мечтания бесплодны. Достать ладью изо льда практически невозможно. Видите, с каким оснащением мы приплыли?

– У вас на судне нет никакого оснащения, – заметила я.

– Точно. Ничего нет... Даже отбуксировать айсберг у нас не хватит мощности двигателей. К тому же его часы сочтены. С трех сторон лед изрезан разломами. Вскоре айсберг расколется, от погребальной ладьи останутся только фотографии, которые мы сделали... Она будет

уничтожена, возможно, раньше, чем мы думаем. – Он кивнул назад. – Видели на горизонте темное облако?

– Намечается дождик?

– Капитан сказал, что будет серьезный шторм. Волны разорвут айсберг. У нас осталось несколько часов. Вы прилетели вовремя.

Руки Эрикссона окончательно перестали слушаться хозяина. Попытались застегнуть уже застегнутые пуговицы на куртке, постоянно поправляли воротник. Мне сделалось жаль Марка. Найти такое сокровище – и обнаружить, что тебя отделяет от него бездонный ров. Дотянуться невозможно. Остается только бессильно наблюдать, как бульдозер природы ломает и давит хрупкую древность своими безжалостными траками. Природа частенько воспринимается многими как художник, создатель, непревзойденный творец. Но в некоторых случаях иначе как варваром назвать ее невозможно.

– Зачем понадобилась я?

– Судно нам не достать, – повторил археолог. Волна ударила в борт и окатила нас веером прохладных соленых брызг. – Но там, возле вершины, во льду какая-то табличка.

Он протянул бинокль. Я взяла тяжелые сдвоенные трубы и прильнула к окулярам. Палуба под ногами гуляла вверх-вниз, а потому гулял и айсберг, увеличенный линзами. Но табличку я нашла. Темный прямоугольник, замурованный в толще льда. Наверняка на нем имеется надпись, но отсюда не разглядеть.

Я вернула бинокль Эрикссону и посмотрела на льдину невооруженным глазом. От поверхности воды до крохотного прямоугольника метров двадцать отвесной «доски». Гладкой, почти без уступов, но с частыми вертикальными трещинами. Такое впечатление, что на солнышке лед не тает, а лопается, как старая пластмасса.

– Мне нужен текст и сама табличка, – сказал Эрикссон. – Она – единственная ценность, которую можно спасти. Желательно извлечь табличку из льда, но если времени не останется, то в крайнем случае можно хотя бы сфотографировать.

– М-да, – пробормотала я и оглянулась. Черное облако на горизонте увеличилось. Повернулась к айсбергу и повторила неопределенное, выражающее и раздумья, и сомнения, и тревогу: – М-да...

– Университет готов заплатить любые деньги, Алена, – предупредительно заговорил швед. – Айсберг крутой со всех сторон. Без специального оснащения на него невозможно даже ступить. Аксель свалился в воду, пытаясь перебраться на ледовое подножие. Мы больше не стали рисковать и вызвали вас...

Я разглядывала айсберг, пощипывая себя за подбородок.

Можно подняться, можно... При помощи «кошек» и ледоруба можно подняться. Для организации страховки на некоторых участках придется забивать крючья. Лед мягкий, ломкий, тает на солнце. Закладки в трещинах держать не будут, а потому – только крючья. Причем специальные, ледовые.

Однако есть две вещи, которые смущают меня. Во-первых, надвигается шторм. Придется торопиться, а я спешки не люблю. Вообще, спешка в скалолазанье – прямая тропинка в могилу. Поторопился, ступил на ненадежный камень – и можешь сказать «привет!» глыбам у подножия скалы... А во-вторых, нет у меня опыта ледолазанья. Моя стихия, мой простор и вдохновение – скалы. Пологие, крутые, отвесные, отрицательные. А по льду я ползала лишь однажды, и это было так давно, что никаких навыков не сохранилось... Я даже не помню, где происходил подъем.

– Хорошо, давайте попробуем, – сказала я. – О деньгах поговорим позже, когда выполню работу. Нужна пила, чтобы изъять табличку. Нужна шлюпка и пара толковых парней.

– Пила найдется... Возьмете меня с собой?

Я посмотрела на Эрикссона сверху вниз. Ученый закрыл плешь пухлой ладошкой, защищаясь от солнца, и виновато сощурился в ответ.

– Взять куда? – удивилась я. – В шлюпку?

– Нет, на айсберг.

– Марк, вы шутите или вас укачало?

– У меня есть ботинки со стальными набойками.

Карабкаться на оплывающий айсберг одной – еще куда ни шло. Но тащить за собой пятидесятилетнего ученого, у которого из ледолазных навыков одно только горячее желание, – это даже не криворукий напарник по связке, не новичок – это балласт весом в шестьдесят килограммов.

– Даже и не думайте, – ответила я.

– Алена, вы должны взять меня с собой! Это вопрос жизни и смерти!

– Вот именно! Последнее – особо актуально! Если соскользните, то в своих ботинках со стальными набойками пойдете на дно утюгом.

Я, конечно, утрировала. Специально пугала. Пара альпинистов, идущих вместе, соединяется веревкой, потому и называется «связкой». Один другого страхует. Конечно, буду страховать Эрикссона – куда я денусь! Если сорвется – вытащу... Но что он будет делать, если сорвусь я? Удержит ли меня? Сомневаюсь. В кошках, с железяками на поясе пойду ко дну, как Железный Дровосек. И ученого утащу за собой.

– Алена, пожалуйста, – умолял археолог. – Я заплачу!

– Дело не в деньгах.

– Я хочу сам посмотреть на табличку, понимаете? – заговорил дрожащим голосом Эрикссон, жалобно глядя на меня. У него такое простое, деревенское лицо. – Хочу пощупать руками. Хочу прикоснуться к древности в том ее виде, в каком она дошла до нашего времени! Айсберг развалится, и я больше не увижу того, что он хранит в себе! Так позвольте хотя бы прикоснуться к табличке.

Я безмолвно развела руками. Что тут сказать? Действительно, жалко шведа. Сама готова расплакаться, что теряем уникальную археологическую ценность.

– Ладно! Собирайтесь!

Два матроса гребли энергично и умело. Шлюпка рывками двигалась по воде, переваливаясь на гребнях волн. Ледяной массив, прозрачный только по краям, надвигался на нас. Он напоминал хрустальный замок, причудливо игравший бликами в лучах солнца. В некоторых местах лучи разлагались в полукруглый спектр.

Маленький Эрикссон, затянутый в ремни страховочной беседки, точно кавалерийский командир в португезе, сидел на носу шлюпки и задумчиво смотрел на айсберг. Лицо такое грустное – будто вот-вот расплачется. Я представила, как буду тянуть его наверх, а он будет плакать. Соленые слезы станут срываться со щек, лететь вдоль стены и падать в соленую же воду.

У меня, однако, не было времени предаваться грусти. Стала пристегивать кошки на ботинки. Все остальное уже на мне – вторая страховочная беседка, пояс с карабинами, зажимами и крючьями. За спиной – зачехленный фотоаппарат и ножовка. Два мотка веревки и ледоруб лежат на дне лодки, готовые к употреблению.

– У вас... это... что такое?

Я подняла голову. Один из матросов, не переставая работать веслом, с интересом смотрел на меня. Лет сорока, бывалый, с грубыми чертами лица и серебряной серьгой в ухе. Если не прицепил просто так, ради красоты – значит, парень однажды обогнул мыс Горн. Есть у моряков традиция – так обозначать это достижение. Если прошел мыс дважды – серьга должна быть золотой.

– Извините, вы о чем? – спросила я.

– Там, на руке.

Он имел в виду татуировку на моем плече. Два льва, заключенные в круг, – черный и красный. Один напротив другого.

– Это древний символ, – пояснила я.

– Красиво. Где так делают?

– В Нью-Плимуте, Новая Зеландия.

Он вдруг бросил весло и задрал рубаху. Лодку развернуло, сосед по лавке недовольно посмотрел на коллегу.

На торсе моряка от пупа до ключиц красовалась, кажется, Анна Курникова, стоявшая на изумрудном газоне травяного корта. Из одежды на ней была только теннисная ракетка, закинутая на плечо.

Моряк улыбался во весь рот, в котором отсутствовало нескольких зубов.

– Ну как?

– Да... – растерянно пролепетала я. – Это в некотором роде тоже... красиво.

Сосед по лавке – старший по возрасту – ткнул «живописного» локтем и яростным взглядом указал на весло. Гребни, мол! Почитатель тенниса виновато кивнул на меня, подразумевая, что дама хотела посмотреть! Но рубаху опустил и принялся грести.

«Мельде» остался метрах в пятидесяти. Если ему пристроить сеть сбоку, получится вылитая рыбацкая шхуна. Но я смотрела не на него, а дальше. Чернота уже закрыла весь горизонт. На фоне этой черноты в небо поднялся гидросамолет. Правильно, ему надо поспешать, а то попадет в шторм. С гнусным гудением он пролетел над нашими головами и исчез за айсбергом.

Я наконец пристегнула кошки, стукнула ими друг о дружку. Порядок! А вот и айсберг.

Шлюпка ударилась бортом о ледяную стену. Матрос – тот, что постарше, – всадил якорь в один из разломов. Теперь шлюпка прицеплена к айсбергу коротким швартовым. Только волны поднимают и опускают ее. Если закрыть глаза и отрешиться от плеска, можно подумать, что катаешься на лифте.

Эрикссон не двигался, продолжая сидеть на носу. Голову задрал, глядя на ледяную стену, и сжался как-то. Я посмотрела на него и решила отдать ученому свою каску. Мне она, конечно, тоже нужна – мало ли что сверху упадет? Но Эрикссон будет подниматься следом за мной, и на него будет сыпаться крошево от моего ледоруба.

Пока надевала на него каску, затягивала ремень на подбородке как можно туго, Эрикссон смущенно поведal:

– Я немного не в форме. Не занимался спортом года два.

– Очень интересно. И как выглядел ваш последний снаряд?

– Кардиотренажер в клинике, где я восстанавливался после инфаркта.

Ремешок на короткое время замер в моих руках.

– Замечательно! – пробормотала я.

Шлем с одной стороны и ремешок с другой сдавили его круглое лицо, сделав похожим на булку. Из защиты торчали только губы и нос. Кажется, я немного перестаралась.

Занимался спортом... Кардиотренажер в клинике... Просто замечательный у меня напарник по связке! Больше ничего не буду у него спрашивать. Надо нервы беречь перед восхождением.

Ослабила ремень. Теперь из-под шлема появились испуганные глаза.

– Напутствие будет коротким, – сказала я, намертво затягивая веревку на поясном карабине его страховки. – По пути не трогайте ничего! Сами не поднимайтесь. Я буду вас подтягивать после того, как пройду определенный этап. Вам останется только руками и ногами перебирать... Все запомнили, или памятку составить?

Эрикссон кивнул. Я хлопнула его по плечу и повернулась к гуляющей вверх-вниз стене льда. Нашла взглядом удобную трещину и без раздумий вогнала в нее клюв ледоруба. Лодка плавно ушла из-под ног, провалившись в ложбину между волн. А я, повиснув на рукояти, оказалась на стене.

Ударом вонзила кошки в лед. Подтаявшая на солнце стена треснула, вниз посыпалось крошево, похожее на осколки стекла. Кошки держали довольно сносно.

Зацепившись левой рукой за трещину, вогнала ледоруб выше. Подтянулась. Переставила ноги. Первый метр пройден. Отвратительная поверхность. В некоторых местах скользкая от стекающей сверху воды. В других – похожа на сырой песок – так же легко рушится. Тогда даже для моих когтей нет опоры.

Немного непривычно ползти по льду в майке без рукавов и шортах. Это происходит на уровне подсознания – видишь снег, шупаешь его и сразу хочешь укутаться в шубу. С другой стороны, в затылок солнце печет так, что запросто можно обгореть... Я ползла, борясь с осыпавшейся скользкой стеной, со своим подсознанием, мороза локти и колени и изнывая от ультрафиолета, который буравил затылок.

Пройдя метров пять, вдруг вспомнила, где однажды ползала по льду. Нет, это были не горы Кавказа и даже не искусственные стены в Подмоскowie. Это был мой родной дом на Большой Пироговской улице. Дело происходило зимой – доставала своего кота Барсика. Мерзавцу требовалась прививка – в окрестностях бушевала какая-то эпидемия кошачьего ящура (что это такое – не скажу, даже не спрашивайте). А Барсик – блудный сын своих блудных родителей, – словно почувствовав недоброе, ушел из дома и дня три не появлялся.

Однажды выглядываю в окно и вижу знакомый буро-рыжий меховой воротник на перилах соседнего балкона. Прохвост занимался тем, что пытался разгрызть замороженный соседский фарш. Я вышла на свой балкон. До соседского – метра два. Посередине шла водосточная труба, которую в период оттепели залило водой. В мороз вода замерзла, превратив водосток в одну сплошную сосульку, протянувшуюся от крыши до земли...

Соседей, как назло, дома не оказалось. Ну, я нацепила кошки и полезла за Барсиком на обледеневшую трубу. Вместо того чтобы вернуться к хозяйке, мерзавец принялся от меня убегать, прыгая по балконам и замороженным водостокам. Пришлось прыгать за ним. Было уже темно, но толпа внизу собралась знатная. Даже милиционер прибежал. Тоже посмотреть хотел, как одна сумасшедшая носится по трубам и почему-то не падает.

Кота я все-таки поймала. Укол сама сделала. Причем так иглу засадила, что он до потолка подпрыгнул. Люстра после его вопля еще полчаса резонировала.

...Я поглядела вниз. Шлюпка продолжала болтаться у основания ледовой стены. Лица людей обращены наверх. Смотрят на меня. Ждут. Ладно, поползла дальше.

Метров через десять остановилась передохнуть. Устроилась на крохотной площадке. Скользкая, как вспотевшая лысина, но я в нее зубья кошек вонзила, а потому стояла как влитая.

На ледовой стене нашла крепкий участок и вкрутила в него длинный крюк с нарезкой. Ледовый называется. Повисела на нем – держит основательно. Очень хорошо. Настала пора поднимать исследователя викингов.

К петле крюка прицепила карабин, а к карабину – блок-ролик с фиксатором. Перекинула через блок веревку, которая соединяла меня с археологом, стоявшим на носу шлюпки.

– Встаньте лицом к стене, Марк! – зычно велела я.

Швед послушно выполнил указание. Очередная волна вознесла шлюпку на высшую точку, я подтянула веревку, и, когда лодка опустилась, Марк остался висеть на стене.

Блок с фиксатором – удобная вещь! Если перестаешь подтягивать веревку, вниз она не убегает. Что бы я делала без него! Археолог маленький, но тяжелый. Наверняка потому, что под завязку набит знаниями. Аж взмокла, поднимая его. И была бесконечно рада моменту, когда он наконец ступил на площадку.

Чтобы швед никуда не свалился, пристегнула его поясной карабин к крюку, вбитому в стену. Если посмотреть сзади, то кажется, что Эрикссон прижался ко льду всем телом, словно к любимой женщине. На самом деле – это я оставила ему мало свободы, чтобы глупостей не наделал.

Чернота позади нас занимала уже треть неба. Усилился ветер. Грозовые тучи множились и воинственно приближались. Проявляя беспокойство, над айсбергом кружили альбатросы и пронзительно кричали прямо над ухом.

– Теперь, – наставляла я ученого, – когда буду готова поднять вас на следующую площадку – крикну. Вам нужно будет лишь открутить муфту на карабине и отсоединить его от крюка. Но пока не крикну – даже трогать не вздумайте ничего!

– Ну что вы! Я же понимаю! – немного рассеянно пробормотал Эрикссон.

Я полезла дальше, выбивая ступени кошками и ледорубом. Прошла метров восемь и увидела место для следующей остановки. Площадка находилась на расстоянии одного перехвата. Только вознамерилась оказаться там, как снизу раздался дробный стук. Будто очередь из автомата, стреляющего горохом.

Теряясь в догадках, глянула под ноги. Боже мой!

Банда альбатросов, каждый из которых размерами больше напоминал курицу, чем нормальную птицу, кидалась на бедного Эрикссона и клевала в голову. В первый момент, увидев эту картину, я испугалась за археолога. Уже представила его мертвым, висящим на крюке с пробитым черепом. Чуть позже выяснилось, что атаку спровоцировала моя яркая каска. Эрикссон отделался лишь нервным потрясением.

Альбатросы улетели. Смылись мигом, словно выполнили боевую задачу. Швед поднял ко мне лицо и показал большой палец. Хорошо, что выжил. Не хватало еще, чтобы он тут, прямо на стене, схватил второй инфаркт.

Влезла на выступ. Немного отдышалась. Глянула вверх. До таблички осталось немного. Считанные метры.

Сняла с пояса второй крюк и вставила в ледовую трещину. Тупым концом ледоруба ударила по шляпке. Крюк вошел на четверть, но от места, куда я забивала стальной стержень, вниз побежала трещина. Тонкая, она издавала едва различимый утробный хруст. Прошла по стене до моих ног и замерла.

Затаив дыхание, я ждала неприятностей. Любых, самых отвратительных... Но ничего не случилось. Площадка не обрушилась, трещина не разошлась на ширину дверного проема. Обошлось. Неудачное место для крюка. Бессмысленно вбивать его дальше. Все равно вывалится... Ну и лед! Пакость какая-то!

Едва я успела подумать о чем-то еще, как далеко внизу раздался грозный хруст. Что-то лопнуло – громко и впечатляюще. Словно великан разломил пополам многотонный валун. А следом я услышала короткий, полный отчаяния крик Эрикссона.

Соединяющая нас веревка рванула вниз.

В первый момент показалось, что археолог прибавил в весе килограммов на сто – с такой силой меня бросило назад. Что еще за новости?

Увлекаемая непонятным грузом, я вскинула ледоруб и успела загнать клюв в одну из трещин...

Оказалось, что это трещина не во льду, а в мокром снеге, черт его побери!

Веревка упорно тащила вниз. Я вцепилась в рукоять ледоруба, а он, не находя должной опоры, поехал, разрывая стену глубокой вертикальной полосой.

Ремни страховки так сдавили поясницу, что я задохнулась от боли. Нет, мне определенно не показалось, что Эрикссон погрузил на центнер. В самом деле сила, приложенная на другом конце веревки, просто исполинская! Что же там такое?

Груз неотступно тащил вниз. Пытался оторвать от стены и сбросить в холодные волны Атлантического океана. Купание в данный момент меня совершенно не интересует. Тут же отправлюсь ко дну – столько на мне всякого железа. Морячки из лодки даже спасательный круг не успеют бросить... Да что за безобразия такие!

Ледоруб буравил стену, я съезжала. Мышцы стонали от напряжения. Пальцы, сдавившие рукоять, уже готовы были разжаться. Слишком велико усилие, отрывавшее меня от поверхности айсберга.

Напрасно я пожалела Эрикссона! Напрасно взяла его с собой! И вообще – зря ввязалась в эту авантюру! Ледоруб наткнулся на какую-то ледышку и остановился. От внезапного торможения, я едва не расцепила пальцы...

Вовремя вонзила кошки в лед.

– Черт бы побрал этих викингов с ихними погребальными ладьями! – простонала я.

Груз, привязанный к поясу, сделался просто невыносимым. Если в течение пяти секунд он не исчезнет, то я либо отцеплюсь от ледоруба, либо мышцы порву!.. Что же там такое, в конце концов?

С трудом вывернула шею, чтобы поглядеть вниз.

Господи! Вот это чудеса!

На другом конце веревки болтался, естественно, Эрикссон. Не стоял на площадке. Собственно, площадки уже и не было.

Стена, к которой я пристегнула археолога, разрушилась. Уж не знаю, виновна ли в том трещина, что побежала вниз, когда я вколачивала крюк здесь, на второй площадке. Так или иначе, из стены вывалилась полукруглая глыба льда. Она болталась на поясе Марка и тащила нас в темную глубокую воду у основания айсберга.

Первым порывом было достать нож и обрезать веревку. Снять непосильный груз. Но, во-первых, мне не отнять руки от ледоруба, а во-вторых... Что же тогда будет с Марком? При столкновении с водой его расплющит о льдину. Или она уйдет на глубину и утянет за собой несчастного археолога.

Хоть бы вывалился крюк, на котором держится этот кусок!.. Тщетная надежда. Крюк я установила крепко, на совесть. Если понадобится – и бегемота выдержит. Даже двух.

– Разомкните карабин, Марк! – закричала я.

Эрикссон вяло пошевелился. Не знаю, услышал ли?

Ему непросто – такая тяжесть болтается на поясе! Живой ли вообще?

– Отверните муфту и попытайтесь отцепиться от крюка!

Ему непросто, а мне вдвойне. На нем только льдина висит, а на мне – и льдина, и сам археолог!

– Можно отцепить? – раздался слабый голос археолога.

Я мысленно выругалась.

Конечно, сама же строго-настрого запретила ему трогать карабин, пока не скажу. Но голова-то должна быть на плечах!

– НУЖНО! – выдавила крик.

Пальцы, сжимавшие рукоять ледоруба, готовы были лопнуть в суставах... Интересно, а такое возможно? Нет охоты проверять. В глазах поплыли круги. Ужасно хочется отпустить прорезиненную рукоять. Будь что будет! Мне уже ничего не нужно.

Непосильный груз вдруг испарился. Льдина словно растаяла в одно мгновение. Через секунду послышался тяжелый удар о воду и всплеск.

Какое счастье! Эрикссону удалось отстегнуть льдину. Привязанный на другом конце веревки, он казался теперь легким, как плюшевый мишка.

С трудом оторвала одну руку от ледоруба. Пальцы скрюченные, белые – похожи на мертвецкие. Ну я и попала!

Когда добралась до таблички, было еще светло. Но пока обустривалась, устанавливала крепеж, пока втянула на площадку Эрикссона, тучи заволокли солнце, и мир погрузился в полумрак.

Ветер заметно усилился. Еще не штормовой, но уже достаточный, чтобы вызвать беспокойство. Стоило без присмотра оставить блок-ролик, как ветер тут же скинул его с ледовой полки. Хорошо, что тот был привязан. Иначе бы лишилась пятидесяти долларов – именно столько стоит качественный блок от «Пецл».

«Мельде» продолжал раскачиваться на волнах метрах в ста от нас. Моряки в шлюпке явно беспокоились. Что-то тревожно кричали нам снизу, но их крики тонули в шуме волн, разбивавшихся о подножие айсберга. Я в принципе и сама понимаю, что нужно торопиться. Соберется какая-нибудь волна и так двинет шлюпку об айсберг, что только щепки будут плавать. Но нам с Эрикссоном совсем немного осталось. Вот она, табличка-то! Рукой подать!

– Ну вы как? – поинтересовалась у археолога, когда втащила его за руку на площадку.

– Словно под каток попал, – обессилено ответил он. – Когда эта сосулька висела на мне, думал, что поясной ремень пополам меня разрежет.

– Очень хорошо, – сказала я и снова пристегнула археолога к крюку. Когда подняла взгляд, то обнаружила на лице Марка выражение такого неимоверного ужаса, словно я его в пропасть толкнула.

– Не волнуйтесь... – заверила я. – Сейчас-то точно все будет в порядке.

Эрикссон пытался поверить в мои слова и, как мог, боролся с испугом. Но иногда, глянув на крюк, невольно закатывал глазки и терял сознание. Быть может, оно и к лучшему. А желание его я выполнила. Хотел постоять возле древности – пожалуйста. Я же не виновата, что он такой впечатлительный.

Шутки шутками, но пора было приступить к делу.

Чернеющий под толщей льда прямоугольный контур оказался приличных размеров. Не то чтобы табличка на двери: «Кабинет 33, стоматолог Пехов» – но авторитетный плакат типа: «Цирк шапито! Кони, клоуны и закон всемирного тяготения!» С рекламный щит...

Я отстранилась от ледовой стены, насколько это возможно, чтобы не опрокинуться. Вновь посмотрела на темный прямоугольник, похороненный во льду. Черт возьми!

– Боевой щит, – произнесла я вслух.

– В самом деле? – открыл глаза Эрикссон. – Что, действительно щит?... А надписи какие-нибудь на нем есть?

– Трудно сказать. Не видно... Хотя сидит неглубоко.

– Отстегните меня! – потребовал швед. – Немедленно отстегните! Я хочу посмотреть.

– Вы свалитесь.

– Не свалюсь! Отстегните, или я сделаю это сам!

Я отстегнула от крюка его поясной карабин, но привязала на короткий репшнур, как на поводок. Теперь ученый получил по пятьдесят сантиметров свободы вправо и влево, а я удовлетворилась тем, что если он соскользнет с площадки, то улетит не дальше вытянутой руки.

Эрикссон припал к щиту, исследуя его поверхность сантиметр за сантиметром. Я достала фотоаппарат и сделала несколько снимков. Белые вспышки пронзили лед, пучки света запрыгали по хрустальным недрам.

– Тут какие-то знаки! – удивленно произнес археолог и приказал нетерпеливо:

– Давайте, давайте попробуем его достать!

Глаза из-под горбушки шлема пылали страстью и детским упрямством. Археолог гладил льдину пухлыми ладошками.

Ветер ударил меня в бок, заставив прочнее упереться кошками в площадку. Где-то вдалеке прогрохотал гром. На капитанском мостике становилось беспокойно. Боцман, убрать паруса!

– Отойдите в сторону, Марк! – велела я, ухватив ледоруб двумя руками.

Археолог поспешно отстранился. Его глаза были влажными. То ли ветром надуло, то ли он действительно так расчувствовался, прикасаясь к священной древности. Все-таки пятый век!

Вонзила ледоруб в стену сантиметрах в десяти от края щита. После третьего удара кирка провалилась.

– За щитом находится полость? – предположил Эрикссон.

Я пожалала плечами и принялась вырубать лед по контуру щита.

Осколки льда летели в стороны. В некоторых местах кирка опять проваливалась. Когда я прошла по контуру один раз, по расположению провалов сделалось понятно, что щит закрывает какую-то полость высотой в половину человеческого роста.

Я просунула ледоруб в одну из дыр и надавила на рукоять, как на рычаг. Лед треснул по намеченной линии. Изъятый из плена щит оказался в наших руках.

Сокровище было заключено в пластину из льда. Но не оно сейчас интересовало нас. Далеко не оно...

На месте вырубленного ледяного пласта осталось темное отверстие. Пока я перевязывала щит веревкой, чтобы спустить вниз, Эрикссон тайком обрезал свой «поводок» и скользнул в дыру. Я даже отругать его не успела за безобразное поведение.

Через секунду во льду вспыхнул свет – маленький археолог зажег ручной фонарик.

– Тут на стене какая-то надпись, – долетел его голос. – Прямо по льду вырезана! Вот это да! Пятнадцать веков хранилась...

Надо было торопиться. Еще можно пережить отборную брань, которой нас покроют моряки в шлюпке. Но черное небо над головой вскоре поднимет такую бурю, что пережить ее верхом на разваливающемся айсберге проблематично.

– Алена! Тут целый проход!

– Не может быть! – поразила я, оставив щит и бросившись к археологу.

Влезла в тесное отверстие, придавив Эрикссона к стене. Но тот особенно не огорчился. В порыве исследовательской страсти вообще ничего не замечал вокруг.

– Смотрите! – Марк посветил вперед.

Полукруглый лаз уводил вниз, в недра айсберга. Швед попытайся нащупать лучом конец хода, но у него ничего не вышло. Ледяные стены исчезали в темной глубине.

– Что написано на стене? – спросила я.

– Пока не могу разобрать. Сфотографируйте это место, пожалуйста.

Я сделала два снимка, а когда повернулась к археологу, то обнаружила, что он по-прежнему светит в глубь прохода и жадно смотрит туда. Следующую фразу которую он произнес, я, в общем, ожидала:

– Алена, мы должны исследовать этот лаз!

Я вылезла из отверстия и вытащила за шиворот Эрикссона. Повернула его лицом к морю.

– Посмотрите вокруг! – сказала я. – Шторм уже начинается! Мы едва успеем спуститься в шлюпку и добраться до судна!

– Алена! Там могут оказаться такие древности, о которых и мечтать нельзя!

– А разломы, прорезающие айсберг? А фраза о том, что этот шторм будет для айсберга последним? Я это говорила? Нет! Это ваши слова, уважаемый доктор Эрикссон!..

Неожиданно обнаружила, что кричу на него. Мне сделалось стыдно, и я снизила тон:

– Если мы спустимся туда, океан похоронит нас вместе со всеми сокровищами, которыми набита эта ледышка.

– Мы можем найти там разгадки великих тайн! – тихо сказал археолог.

– Вы готовы заплатить жизнью, чтобы открыть эти тайны? Лично я – нет. Давайте ограничимся тем, что нам даровано. Мы нашли щит. Это хорошая находка. Но для вскрытия гробницы Тутанхамона сегодняшний день не предназначен!

Эрикссон безмолвно смотрел на океан. Я чувствовала, что исследовательский пар выходит из него. Слава богу!

– Да, вы правы, – произнес он под шум ударившей об айсберг волны. Удар был такой мощи, что плавающая глыба вздрогнула и мелко затряслась.

– Вы правы! – повторил он твердо. – Давайте собираться обратно!

И шагнул вперед.

Куда он собрался – я так и не поняла. Решительный тон, с которым маленький археолог произнес последние слова, подвинул его к таким же решительным действиям. В частности, к этому шагу по площадке. У мужиков есть дурацкая черта. Если сказал что-то, сдвинув брови, значит, нужно еще кулаком по столу ударить, табуретку сломать или выпиться в стельку. В знак своей отчаянности.

Эрикссон поэтому шагнул по площадке. И тут же поскользнулся.

Я опомниться не успела, как рядом с моим лицом взлетели ноги в ботинках со стальными набойками. Один ботинок нечаянно, но весьма ловко выбил ледоруб из моей руки.

Пока я провожала взглядом ледоруб, падавший в бушующий океан, Марк упал на спину, прокатился по площадке, сшиб меня с ног и с воплем исчез в прорубленном отверстии.

– Клоун! – воскликнула я со злостью, когда мои ноги провалились в пропасть. К счастью, зацепилась за трещины и не позволила телу отправиться вслед за ногами.

Я не матерюсь – с детства не приучена. На скалах иногда слышу кой-какие слова от друзей, но это неизбежно. Многие выражения намертво привязаны к неудобным опорам, к трещинам, в которые не вставить пальцы, к крошащимся стенам. Они подобны наклейкам с характеристикой товара... Я их, правда, не употребляю. Попытаюсь описать произошедшее дальше без мата.

Мы с Марком были связаны веревкой. Я специально сделала ее в два раза короче, чем должно. Чтобы при срыве археолога маятниковое раскачивание меня не снесло. Но тогда подумала, что сделала это напрасно.

Эрикссон провалился в отверстие так глубоко, что веревка полностью расправилась... и дернула меня следом!

Связка альпинистов для того и нужна, чтобы если один сорвется, то другой его вытащил. Все дело в том, что зацепиться мне было не за что и нечем. Ледоруб отправился в подводное плавание, а ноги со стальными кошками болтались в пропасти. К тому же веревка тащила вперед, и найти опору я не могла, как ни старалась.

Я перелетела через площадку и нырнула в отверстие. Вниз головой – навстречу раздвигающему темному зеву ледового тоннеля.

У вас не возникало желания оказаться однажды в недрах айсберга, который терзают огромные волны и который вот-вот расколется? У меня тоже подобного желания не было. Но такая уж карма – обязательно встать под крышу, с которой падают сосульки.

Я падала вниз по извилистому ледовому проходу, который отчетливо напомнил аттракцион в аквапарке. Темные полупрозрачные стены неслись навстречу с огромной скоростью. Я пыталась остановить падение, но зацепиться руками было не за что, а «когти» лишь бессмысленно царапали лед.

Отвратительно чувствовать себя шаром для боулинга! Понимаешь, что от тебя ничего не зависит, но летишь, летишь, ожидая неминуемого столкновения с поверхностью.

Проход пересек довольно широкий разлом. Один из тех, что сделали гибель нашего айсберга неотвратимой. Наверняка он протянулся от вершины до самого основания. Я набрала такую скорость, что перелетела через разлом, почти не заметив его.

Как бы остановиться? Так долго падаю, что уже, наверное, провалилась ниже уровня океана. Дернул меня Ёрмунганд взять с собой этого неумоимого шведского парня!

Падение по наклонному тоннелю закончилось неожиданно. Стены внезапно расширились, низкий свод ушел вверх. Проход выплюнул меня в какую-то темную пещеру.

Кувыркком прокатилась по полу. Остановилась, воткнувшись в ноги Эрикссона, который стоял посреди ледовой каморки.

– Ну, Марк! – с негодованием произнесла я, поднимаясь и опираясь на него. – Никак не ожидала от вас подобной выходки! Вы слышали о таком слове – «дисциплина»?

Нащупала фонарик на поясе и включила его. Луч ударил в лицо археологу, и я неожиданно обнаружила, что держу за плечо совершенно иного человека. Чтобы стать таким, Эрикссону нужно подрасти на две головы, раздаться в плечах и отпустить длинную нечесаную бороду. Но самое главное – нужно иметь такое же бездумно-дикое лицо, при взгляде на которое страшно от одной только мысли, что ты не принадлежишь клану, где одеваются в шкуры, гложут кости побежденного противника и производят на свет таких вот симпатяг.

Я так заверещала, что оглохла сама. Во мне словно взорвался какой-то сосуд, и из него хлынул фонтан страха, перемешанного с паникой. Бородатый воин скалился. В руках поблескивал совсем не туристический топорик. Лезвие такое огромное, что им, пожалуй, легче на плахе орудовать, чем промышлять ремеслом плотника.

Едва сохранила рассудок. Сами посудите: в темных недрах заброшенного айсберга натолкнулась на бородатого мужика с топором, который непонятно как здесь живет и со зверским лицом поджидает гостей – явно не для того, чтобы рассказать о своей грустной судьбине.

Немного поголосив, начала мыслить разумно. Конечно, он не живой. На лице сквозь кожу проступили белые кости черепа. На щеках, бровях, в углах челюстей. Эти участки придавали лицу еще больше ужаса, но меня они слегка отрезвили. Визг перешел в слабое поскуливание.

Бородатый мужик с топором – мертвый. А стоит на ногах потому, что заледенел, как куриный окорочок в морозилке. Запястья и шея покрыты инеем, который я не сразу заметила.

Едва пришла в себя, как на плечо опустилась ладонь. Страх нахлынул опять. Так завопила, что ледяная пещера затряслась. Повернула голову и увидела Эрикссона. А я-то решила, что рядом ожил еще один бородач – еще злее, и топор у него еще больше.

Кричала, даже опознав археолога и собственные страховочные ремни, опоясывавшие его. А Эрикссон орал в ответ. Возможно, желая угодить мне, но скорее оттого, что я его напугала.

Наш дуэт оборван пронзительный удар, заставивший ледяную гору содрогнуться. Что-то загрохотало – причем близко. Похоже на шум падающих глыб. Я втянула голову в плечи, но стены не сошлись, и свод не обрушился. Только бородатый «плотник» рухнул на спину. Не рассыпался, как я ожидала, а остался лежать, держа перед собой топор и обращая теперь свое неистовство к пустому потолку.

– Кто он? – спросила я. От пережитых волнений голос сделался писклявым и неуверенным, как у второклассницы.

– Это стражник, – объяснил Эрикссон.

– Стражник кого?

– Если бы я знал... Сфотографируйте его, пожалуйста.

– Полагаете, мы успеем на тот свет до закрытия пунктов проявки «Кодак»? – Кажется, начала приходить в себя. – Нам нужно скорее выбраться отсюда!

Я обернулась, разыскивая отверстие, через которое мы угодили в ледяную пещеру. Провела лучом по стене, но не нашла его и мгновенно покрылась колкими мурашками.

Чтобы отверстие прохода закрылось, словно живое? Нет, не может такого быть. Чудес не бывает, хотя мне приходилось с ними сталкиваться. Но все равно – не бывает!

Сим-сим, откройся!

Только пройдясь лучом по стене вторично, я нашла отверстие, однако легче мне от этого не сделалось. Наоборот, на сердце навалилась непосильная тяжесть.

Отверстие лаза было наглухо забито ледяными глыбами. Вот откуда я слышала звуки рушившихся стен. Словно нарочно! Коварный ледяной демон разинул пасть, цапнул любопытных путников и, проглотив, отрезал пути к отступлению.

– Алена, раз уж мы оказались здесь...

Голос Эрикссона был непривычно тверд. Видимо, он уже знал, куда отправится после смерти. Небось в Вальхалле местечко забронировал. А я еще не готова умереть. Не думала об этом с утра. И религию подходящую не подобрала.

– Раз уж мы оказались здесь...

– Не продолжайте! И слушать не хочу!

– Вы только посмотрите на это! – призвал он и перевел луч фонаря на одну из стен.

Я хотела что-то сказать наперекор – едкое и весомое, – но слова замерли на устах. Перед глазами открылась живописная стена. От пола до потолка ледяную поверхность покрывали резные орнаменты и узоры. Кое-где в них вплетались людские фигурки – корявые и угловатые, типично скандинавские. В душе родилось восхищение при виде старательной и кропотливой работы, затраченной на изготовление ледяных рельефов. И трепет охватил от осознания их уникальной древности.

– И это чудо мы теряем! – с клокотанием в горле произнес Эрикссон.

Оказывается, он больше думал о том, что человечество лишится художественного айсберга!

– Эрикссон! – с укором сказал а я. – Мы погребены в вашем чуде! Это наш склеп!

Он посмотрел на меня непонимающе:

– Если вы не хотите фотографировать стену, я сделаю это сам. Дайте фотоаппарат.

Я не доверила ему свой фотоаппарат. Назло стала сама фотографировать рельефы. Скрученные ветви, уточек и лошадей, сложные веревочные узлы... Отдельно сняла примечательную стелу с изображением эпизодов: битва, поход, еще что-то – не успела разглядеть. Израсходовала половину пленки.

Пока я упражнялась в художественной съемке, мой напарник по склепу высветил фонарем приличных размеров вертикальную расщелину в стене. Конец ее терялся в темноте, расстояние между краями позволяло протиснуться человеку. Она была явно природного происхождения – тем не менее по краям украшена точеными фигурками бегущих волков.

– Это выход! – радостно воскликнул археолог, приближаясь к расщелине.

– Мне такие дырки в стенах не нравятся совершенно, – заявила я, держа перед собой аппарат, словно при случае рассчитывала им защититься. – Обычно в них таятся разные гадости. Я с такими штуками сталкивалась.

Маленький археолог был уже возле отверстия. Посветил внутрь.

– Проход свободен... – осторожно произнес он. – Вроде нет никаких гадостей.

Я спрятала фотоаппарат за спину, наклонилась и попыталась вырвать топор из рук мертвого викинга. Думала, что с топором буду чувствовать себя увереннее. Но древний черенок навечно примерз к ладоням заледеневшего покойника. Пришлось оставить попытки. Перешагнула через бородатого дровосека и подошла к Эрикссону.

А моего напарника так и тянуло на новые приключения. Просунул голову в расщелину, и ногу поднял, чтобы ступить...

Я вытащила его за шиворот. Скоро отработаю прием до автоматизма – так часто швед сует голову куда не нужно. Зря я его с собой взяла! Если бы не он, сейчас уже сидела бы в

каюте «Мёльде» и с наслаждением потягивала горячий кофе. Вместо этого – мерзну здесь в тонкой маечке и шортах! И не ведаю, как выбраться из ледового желудка. Может, в самом деле эта расщелина куда-нибудь выведет?

Айсберг вздрогнул от нового удара. Пол покачнулся, сверху посыпались снег и ледовая крошка. Как бы и этот проход не закрылся.

– Отпустите меня! – потребовал Эрикссон, и я обнаружила, что все еще держу его за шиворот, а сама заглядываю в расщелину. – Отпустите... чего смотреть! Нужно идти туда!.. Другого пути все равно нет.

– Тот, кто оставил замороженного охранника, наверняка позаботился и о более действенных средствах защиты. Вопрос – каковы они?

С виду проход через расщелину казался безобидным. Гладкий пол, покрытый крупной инеей, шалашиком сходящиеся кверху стены... Не видно, правда, конца, а в остальном – ничего особенного.

Я сняла с пояса крюк потяжелее и бросила вперед.

Блестящая железка поскакала по полу, наполнив ледяную пещеру мелодичным звоном. Сама же я замерла. Ничего не произошло. Спрятанные топоры не выпрыгнули из стен, рассекая воздух, свод не обрушился.

Может, я и в самом деле слишком осторожничаю?

Поставила на пол ногу. «Когти» с хрустом вонзились в лед. Перенесла на эту ногу вес тела.

В тот же миг пол под моей пятой провалился. Словно я наступила на хрупкое стекло. Рухнул целый участок размером с пару квадратных метров. Осколки посыпались в пропасть, зазвенели, разбиваясь об острые, ледяные пики, торчавшие глубоко внизу.

– Это называется ловушка, доктор Эрикссон, – сказала я, когда грохот утих.

Марк нервно сглотнул:

– Но ведь дорога есть?

– Она с сюрпризами, – объяснила я. – Охотники за тайнами, вроде вас, должны остаться в этой яме с распоротыми животами. Но нам придется туда идти, потому что идти, собственно, больше некуда.

– Как же мы пойдем? – спросил Эрикссон, боязливо заглядывая в провал с ледяными кольями.

Буря за стенами разыгралась нешуточная. Айсберг раскачивался, оглушительно скрипел и трещал. Изредка – по моим предположениям – от тела горы откалывались льдины. В эти моменты казалось, будто кто-то палит из охотничьей двустволки. До нас разрушения пока не добрались. Только заваленный лаз напоминал о том, что ждет впереди. Требовалось поторопиться.

Цепляясь за щели и выступы, прошла на одних руках метров пять над провалившимся полом. Когда пальцы онемели от холода, поспешила расставить ноги, уперевшись «кошками» в стены. Немного согреть пальцы дыханием, в одну из трещин установила закладку. К ней привязала конец веревки, другой конец которой тянулся к поясу Эрикссона... Все так же на руках добралась до места, где ложный пол заканчивался. Сначала попробовала крепость льда одной ногой. Потом прыгнула, чувствуя безмерное удовлетворение.

Дала отмашку археологу, и тот пузатым маятником пролетел над ледяными острями ко мне. Здесь я его поймала за отвороты куртки и втянула на твердый лед.

Дальше проход поворачивал налево. Мы обогнули угол и оказались в небольшом коридоре, в конце которого темнело пятно вероятного выхода. К этому времени я обратила внимание, что от толчков и ударов бушующей снаружи стихии стали двигаться стены. В прямом смысле. Вверх-вниз. Вдобавок появились нехорошие трещины, которых раньше не было.

Опасливо косясь на свежие разломы, я шагнула в коридор и почувствована, как пол под ногой провалился. Не обрушился, как пятью минутами ранее, а сместился вниз.

– Как все отрицательно! – воскликнула я, обнаружив, что стою на плите, которая ушла в пол под моей тяжестью.

– Что такое? – осведомился швед.

– Сейчас на нас что-то посыплется, – предупредила я. – Гарантирую: это будут не конфеты и не новогодние подарки!

Сверху раздался скрежет. Я подняла голову.

Над нами висел огромный ледовый куб... Точнее, уже не висел, а СОБИРАЛСЯ УПАСТЬ!

Рефлексы пробудились мгновенно. Чуждые – не мои, не скалолазные. Странно... Я не десантник, не tomb raider Лара Крофт... Откуда они взялись?

Кинулась по коридору. К темному пятну выхода. Маленького археолога дернула за собой. «Когти» с яростным хрустом вонзились в лед. Прыжок, другой...

С ужасающим грохотом куб обрушился за нашими спинами. Задержись мы на секунду – раздавил бы напрочь... Однако думать об этом было некогда. Потому что я уже наступила на другую кнопку. Их совершенно не видно – щели скрывает слой инея.

Сверху послышался новый скрежет. Следующий куб приготовился свалиться на наши головы.

Запястье Эрикссона, которое я сжимала, неожиданно выскользнуло из моей ладони. Археолог смешно взмахнул руками и распластался на полу.

Куб над ним угрожающе вздрогнул. Посыпались хлопья снега, напоминавшие пух ошипанной курицы.

Эрикссон попытался встать, но снова упал. Я вернулась, дернула его за руку и не смогла сдвинуть с места. Его что-то держало.

Веревка! Она по-прежнему привязана к поясу Марка. Первый куб придавил ее к полу!

Глыба льда над ним взвизгнула, чиркнув углами по стенам коридора.

– Бросьте меня! – пролепетал археолог. – Одна вы сможете выбраться!

– Нет, Марк! Не позволю вам погибнуть мучительной смертью! – откликнулась я и выхватила нож.

Археолог закричал. Он подумал, что я собралась его резать. Вот чудак!

Рассекла полиамидный жгут одним взмахом. Затем крепко ухватила археолога за руку – он даже вскрикнул от боли... И выдернула его из-под падающей глыбы.

Куб с такой силой обрушился на пол, что нас подбросило. Разнокалиберные осколки градом ударили в спины.

Сверху валился следующий куб, но я уже не смотрела ни вверх, ни под ноги. Стремглав летела к выходу, волоча за собой тяжело дышавшего Эрикссона.

Из-под рушившихся сводов выскочили чудом. Едва покинули коридор, как за нашими спинами отверстие выхода завалили тяжелые глыбы. Взметнулась снежная пыль, окутав нас непроницаемым облаком.

– Кровь в голове стучит, словно кувалда молотит! – пробормотал Эрикссон, сидя на полу. Вид у него был весьма измочаленный.

– Скажите спасибо, что вообще голова осталась! – откликнулась я с усмешкой.

– Спасибо.

Да что тут... У самой руки дрожат, как у дряхлой старухи.

Снежная пыль осела, и стало понятно, что мы оказались в новой пещере. С довольно высоким сводом. Здесь обращало на себя внимание подчеркнутое отсутствие рельефов и узоров на стенах. Из человеческих творений – только высокая лестница со ступенями во всю ширину зала, поднимавшаяся к площадке перед ледяной стеной. Она, видимо, была основ-

ным элементом пещеры... Да и, наверное, всего ледового комплекса. Таким же главным, как полотно экрана в кинозале. Лед стены – чистый и прозрачный, словно слеза. Если смотреть от основания лестницы, где стояли мы, стена вообще казалась легким туманом.

Эрикссон на четвереньках глядел на вершину лестницы:

– Что там?

Я пожалала плечами и стала подниматься по ступеням. Археолог вскочил и обогнал меня – торопясь, норовя поскользнуться и упасть в любой момент. Я поддавалась азарту, и мы понеслись по лестнице. Стена открывалась нам все больше.

Вот и вершина. Перешагнув через последнюю ступень, мы замерли в изумлении. Эрикссон выразил свои чувства мышинным писком, а я всей душой пожалела, что пленка в фотоаппарате наполовину израсходована на дурацкие орнаменты.

Перед нами стояла дружина викингов. Человек двадцать в несколько рядов – длиннобородые, в шлемах, кольчугах, опоясанные кожаными ремнями, с зазубренным оружием в руках. Лица грубые и заросшие, глаза пылают из-под нахмуренных бровей. Они казались настолько живыми, что сделалось страшно. В первый момент я подумала: а вдруг сдвинутся и порвут тонкую прозрачную пленку, нас разделяющую? Но тут же до меня дошло, что дружина погребена в толще кристального льда.

В центре стоял высоченный воин – этакий белый Шакил О'Нил с бородой, скрывавшей лицо почти до самых глаз. Он был на голову выше остальных – тоже совсем немаленьких ребят! Кроме знатного роста воин выделялся широкими плечами, искусной выделкой одежды и доспехов. Скорее всего, он являлся предводителем или даже конунгом. Мощные кулаки сжимали рукоять огромного двуручного меча, лезвие которого усыпали руны, а острие смотрело вверх. Его взгляд был настолько тяжелым и пронзительным, что, казалось, в любой момент скандинав вывалится из ледовых оков и обрушится на двух потерявшихся людишек свой меч, а с ним всю мощь и ярость железного века.

– Это просто фантастика! – услышала я дрожащий голос Эрикссона.

Я его понимала.

Ледовый склеп – не фантастика. Он – грандиознейшее археологическое открытие! Неведомым образом сохраненная в целости дружина викингов в одежде и с оружием – кладезь информации о железном веке. Лед донес даже атмосферу той эпохи, даже чувства, застывшие в глазах воинов. И все-таки...

– Впечатление такое, что лед покрыл этих людей в мгновение ока... – пролепетала я. – Такое возможно?

– Все это вообще невозможно! – отозвался археолог словно издалека. – Но вот оно – перед нами!

Я обнаружила, что не могу оторвать взгляда от рук воина, сжимавших меч. Кисти покрыты густыми волосами, почти шерстью. Но это не все... На пальцах вместо ногтей толстые, крючковатые когти. Словно у животного.

– Лучше посмотрите туда, – сказал Эрикссон, указывая на выступавшую нижнюю челюсть, заросшую нечесаными волосами. Внимательный швед обнаружил еще одну уникальную деталь. Насколько я могла разглядеть, из-под нижней губы викинга выпирали два клыка.

– Кто он? – спросила я.

Эрикссон лишь расстроено покачал головой и посмотрел на мой фотоаппарат. Да, он прав!

Я стала фотографировать дружину. Даже через объектив казалось, что воины живы, а каждая вспышка порождала в их глазах нарастающий гнев.

Основное внимание, конечно, я сосредоточила на волосатом гиганте. Внимательно считая израсходованные кадры, сфотографировала его в полный рост, затем выделила основные элементы – лицо, грудь в доспехах, руки и рунный меч.

На фото пленке остался последний кадр. Я торопливо искала, что бы еще сфотографировать. Переместила объектив вниз и обнаружила кое-что.

Правая нота гиганта покоилась на низкой тяжелой плите, поставленной вертикально. На каменной поверхности виднелось с десятков рунических строк. Именно они достойны последнего кадра!

Тщательно приготовилась, навела объектив.

Щелчок!

Все. Надписи с плиты перенеслись в фотоаппарат. Едва слышно зажужжала катушка, перематывая пленку.

Айсберг вздрогнул от нового толчка и, как мне показалось, испустил тяжкий вздох. Стены покрылись трещинами. И только монолит с викингами остался невредим. Ни единого разлома, ни единой щелочки не появилось в прозрачной стене. Словно незримое заклинание охраняло дружину.

Эрикссон, казалось, не обращал внимания на скорую кончину айсберга. Он увидел плиту с рунами и припал к ней, пытаясь перевести строки. Окружающего мира теперь не существовало для археолога. Только магические руны под пятой бородатого исполина!

Я извлекла катушку с пленкой из «Кэнона» и опустила ее в пластиковый пакетик. Сдавила герметизирующую полоску. Не знала, суждено ли нам выбраться из ледового плена... Но пленку надо спасти.

Как странно... Двенадцать часов назад купила ее в аэропорту всего за два евро. А сейчас она бесценна для истории вообще и для археологии в частности!

– *Завоюй камень*, – читал Эрикссон первую строчку рун, – *...награда и проклятие... найди... как нашел его я...*

Где-то снаружи раздался взрыв, словно сдетонировал боевой заряд тротила. Глыба с замурованными викингами дрогнула. И съехала чуть вниз.

Эрикссон торопился, разбирая руны.

Снизу, от основания лестницы, послышался плеск воды. Она прорвалась сквозь разломы... Все! Конец айсберга наступил.

Я спешно принялась сдирать с себя тяжелое снаряжение.

– *Иди по моему следу...* – перевел Эрикссон и перед следующей фразой сделал большую паузу. – *Овца-валькирия... с железными когтями.*

– Что? – удивилась я.

Археолог изумленно смотрел на мои ноги.

Я тоже посмотрела вниз и уперлась взглядом в кошки, привязанные к ботинкам. Стальные шипы, позволявшие карабкаться по льду.

– Ведь ваша фамилия, кажется, Овчинникова? – спросил Эрикссон.

Ледяная дружина с треском поехала вниз. Словно огромный механизм двигал ее перед нашими глазами. Пришлось отскочить назад, потому что сверху посыпались глыбы, угрожавшие придавить нас.

Эрикссон с болью смотрел на исчезавших викингов. Он хотел приблизиться к ним, хотел дотронуться до льда в последний раз, но я крепко ухватила его за пояс, не позволяя тронуться с места.

Между потолком и стеной появилась щель. Она увеличивалась по мере того, как стена проваливалась в океан. Сквозь нее в зал заглянуло недоброе штормовое небо, ворвался ураганный ветер, принесший с собой соленые брызги и едкий запах озона.

– Скидывайте все тяжелое! – приказала я археологу. – Ремни, куртку, ботинки!

Стена вдруг скользнула вниз так быстро, что я ничего не успела сообразить. Только что она медленно опускалась, а тут исчезла, освободив путь взбесившейся воде. Пещера раскрылась, словно трюм морского парома. Яростный поток смел нас с лестницы.

Что было потом, помню урывками. Нас накрыло валом. Едва я успела набрать воздух в легкие, как меня и Эрикссона поглотила холодная вода. Держа археолога за воротник, я ринулась наверх.

Плыть было тяжело. Когда я решила, что нам не выбраться, вода вдруг ушла куда-то, и нас, как две пробки, выбросило на поверхность.

Смахнула брызги с лица и обнаружила, что ледяные стены пещеры опрокидываются. Расколовшись, айсберг потерял равновесие и стал заваливаться. Хорошо – не «клюнул» и не накрыл нас собой. Развернулся пещерой вверх.

Нас вновь унесло под воду. Мимо меня пронеслась темная тень, похожая на квадратного ската. Это был обломок ладьи викингов. Не задумываясь, я вцепилась в него одной рукой. Второй держала за воротник Эрикссона. Он кашлял, дергался, колотил руками по воде – в общем, всячески радовал меня признаками жизни.

Наконец нас опять выбросило на поверхность. На этот раз – за пределами льда. В открытом океане. Мы обхватили доисторическую доску с двух сторон и плавали на ней, словно парочка влюбленных. Стихия крутила нас в водоворотах, волны накрывали одна за другой. Во время короткой паузы между ними я отыскала в кармане шорт одноразовую ракетницу и выстрелила в небо светящийся зеленый шар. Едва он начал описывать дугу, как меня захлестнула новая волна и я потеряла его след. Ну, что могла – сделала для спасения.

Не помню, долго ли трепала нас морская стихия время для меня растянулось в часы, – но в один замечательный момент из волн вдруг вырос корпус «Мельде». С борта ударил луч прожектора, и в воду полетели спасательные круги.

При такой сумасшедшей качке кофе пить было совершенно невозможно. Поэтому я сидела, кутаясь в одеяло, и не могла понять, отчего мне так плохо? То ли сказалось отсутствие кофе – наркотика для моего организма, то ли действовал шок после пережитой катастрофы, то ли я все-таки страдала от морской болезни?..

Впрочем, не важно. Главное, мы на корабле. «Мельде» хоть и казался со стороны развалюхой, но уверенно сопротивлялся шторму. В кают-компании горел свет... Тепло... Вокруг – участливые лица...

– Алена... – слабо окликнул меня Эрикссон из противоположного угла. Он провалился в кресло, укутанный в два одеяла. Из них торчала только голова в моей каске с оранжевой полосой – единственный предмет из альпинистского комплекта, с которым я отправилась на айсберг.

– Алена... На плите у ног викинга была надпись о вас!

– Это невозможно! – улыбнулась я.

– Овца-валькирия с железными когтями... – Он поперхнулся и закашлялся. Откашлявшись, закончил: – Им даже известна была ваша фамилия!

– Бред. Совпадение... Вы же видели, что викингов заморозило внезапно. Откуда они могли знать, что перед ними окажусь я, а не их боги Один с Тором?.. Кстати, кто тот громила с огромным мечом?

– Я не знаю, кто он, – сказал маленький археолог. – Но я обязательно выясню... Пленка сохранилась?

Я вытащила из мокрых шорт пакетик с жестяной коробочкой. Прозрачный целлофан покрывали капельки воды, но он не порвался, а значит, содержимое осталось в целости.

Эрикссон удовлетворенно кивнул:

– Нужно перевести остальные строки. Но это послание... Оно предназначалось вам. Бесстрашной валькирии, скалолазке Алене Овчинниковой, явившейся в ледяной склеп в стальных «когтях».

Похоже, Эрикссон слишком долго пробыл в холодной воде.

– Марк, что – это совпадение...

Археолог вдруг заговорил, пристально глядя на меня:

– *Завоюй камень, мою награду и мое проклятие. Найди камень, как нашел его я! Иди по моему следу...* – Он помолчал, а затем добавил: – Викинги свято верили в судьбу, а их бог Один умел заглядывать в будущее... Если представить на секунду, что они заглянули в свое будущее? Они могли увидеть вас такой, какой вы явились к ним перед их исчезновением в глубинах океана.

Я некоторое время сосредоточенно смотрела на суровое лицо археолога. Казалось, что холод айсберга проник в теплую кают-компанию, а тьма его ледяных коридоров притушила свет.

Смотрела, смотрела, а затем рассмеялась. Легко, заливисто, закинув голову.

– Вот что я вам скажу, Марк! Я тоже заглянула в будущее. И знаете, что увидела? Получаю свои честно заработанные денежки – и отправляюсь в Россию. Все! Никаких больше путешествий! Чего бы ни хотели замороженные викинги из пятого века, *я не собираюсь* искать какой-то там камень!

– Как знать... – произнес Эрикссон задумчиво.

Глава 2

Странные гости

Стопка папок с рукописями девятнадцатого века набралась высокая. Из одного хранилища в другое ее можно переместить только за два раза, но повторно проделывать изнурительный путь через этажи и кучу коридоров было лень. Поэтому я обхватила стопку руками, придавила сверху подбородком и поплелась по коридору, громко стуча тяжелыми туфлями с квадратными каблуками.

Задача оказалась непростой. Приходилось постоянно упираться подбородком в стопку папок, поэтому голову было не поднять. Глаза сквозь стекла очков видели только пол. Чтобы ориентироваться в архиве по полу, знаете ли, нужна сноровка. Но я не первый день здесь работаю. Вон там угол линолеума задран – значит, скоро начнется лестница.

Длинный подол юбки, которую Люба Егорова метко прозвала рабоче-крестьянской, так и норвил запутаться в истертых носках туфель. Зря я ее нацепила. Нет, в ней удобно: просторно, нигде не жмет, когда тексты переводишь... Иное дело – овладевать в ней профессией грузчика...

Совершенно неожиданно передо мной возникла пара мужских ног в новеньких лакированных ботинках сорок второго размера. Пришлось остановиться, поскольку ноги перегородили дорогу.

– Тетенька! Не подскажите, где нам найти такую Овчинникову? – поинтересовался молодой задорный голос.

Кому это – «нам»?

Словно в ответ на мысленный вопрос, в поле зрения появилась другая обувь. Эти ботинки размером были больше и смотрелись как-то архаичнее. Сразу бросалось в глаза, что их знакомили с гуталином только по большим праздникам, а возможно, и реже.

– Это я! – прошипела сквозь зубы, не поднимая подбородок. – И вам – не тетенька!

В общении возникла пауза. Очевидно, незнакомцы осматривали меня с ног до головы. А я в свою очередь водила глазами из стороны в сторону, рассматривая их ботинки, потому как больше рассматривать было нечего.

– Хм... – Молодой голос. – Что, в самом деле? Вы – Овчинникова?

– Нет, Тина Тернер!

Он опять замолчал. Ну и долго так будем стоять? Застали меня врасплох. Принялись допрашивать посреди коридора, а я даже их лиц не вижу!.. Если подниму подбородок – рукописи девятнадцатого века усеют пол, как кленовые листья устилают асфальтовые дорожки за окном. Осень все-таки. Самое удачное время для слякоти на улице и в душе.

– Если вы Алена Овчинникова, то нам хотелось бы поговорить с вами.

– Мне этого совсем не хочется.

– Быть может, отложите на время эти папки?

– Что вам нужно?

– Смотрите, тут комната открыта... – Он имел в виду небольшой читальный зал для работы с документами, что расположен слева. – Тут и стол есть. Положите на него рукописи, они вам мешают.

Я не двинулась с места. Дед с детства учил меня не разговаривать с незнакомцами. А тут – целых два незнакомца! Один – болтливый, второй – молчун в нечищенных ботинках. Подозрительны оба.

– Что вам нужно?

– Всего лишь несколько минут вашего времени!

Какой навязчивый. Не нравится он мне. Надо было сказать, что я – не я. Тогда бы эти ботинки бродили по коридорам архива до конца рабочего дня.

– Мое время расписано, как у королевы Англии! – предупредила я.

– Мы отнесемся к нему бережно.

– Кто это – «мы»?

– Мы представляем одну международную компанию. Меня зовут Александр. Можно Саша... А это наш советник по вопросам взаимодействия – Глеб Кириллович.

Я вошла в читальный зал, осторожно сгрузила папки на ближний стол, села за него. Они вошли следом и закрыли дверь за собой, отчего я почувствовала себя неуютно. Спряталась за стопку рукописей и из-за нее разглядывала незнакомцев.

Обладатель блестящих ботинок оказался одет в такой же блестящий костюм. Дорогой костюм, не фальшивка. Галстук – броский, желтый – совершенно не подходил к туалету. Над белым воротником симпатичное лицо с глазками прониры и улыбкой женского угодника. Однако улыбка не блистала в полный формат – парень с сомнением разглядывал меня. Что-то смутило его... А кого он, собственно, ожидал увидеть? Ведь я – обычная переводчица!

Второй – седой тип предпенсионного возраста с жестким взглядом. Глаза холодные, отдают стальным блеском. На лице глубокие морщины, уголок рта опущен вниз, возможно, пораженный параличом. Брюки и свитер потерты и требуют обновления. Как, впрочем, и ботинки.

– Итак, вы – Алена Овчинникова! – Вот теперь улыбка парня сияла во всей красе. Наверно, женщины от нее падают в обморок, но меня ею не сразишь. – Мы много слышали о вас!

– Ну-у... Я перевожу с древнегреческого, латыни... Знаю другие древние языки...

– Нет, мы слышали о ваших невероятных приключениях на Крите и в Швейцарии.

Вот это да! Интересно, откуда информация просочилась?

– Это все сказки, – ответила я. – Байки. Я их сочиняю от безделья и рассказываю знакомым. На самом деле я – серая архивная мышь – люблю поваляться перед телевизором, постоянно борюсь с лишним весом.

– Разве вы не подрабатываете промышленным альпинизмом, помогая некоторым археологам копировать древние тексты со скал?

Я пожала плечами:

– Археологи в основном пожилые люди. Иногда залезаю на пару метров, чтобы помочь им.

Парень по имени Александр – можно Саша – оглянулся на седого советника. Затем повернулся ко мне и вновь включил неотразимую улыбку.

– У нас имеются сведения, что события, происходившие на Крите и в Швейцарии, – правда. Мы восхищены вашей ловкостью, отвагой, знаниями, а также сочетанием других качеств, которые позволяют вам добиваться невероятных результатов. Другого такого специалиста найти невозможно.

– Покопайтесь в рекламных объявлениях.

– Мы хотим предложить работу именно вам.

– Это связано с переводами текстов?

– Нет.

– Со скалолазанием?

– Вряд ли. Нам необходим ваш сыскной дар, знание языков и прирожденное умение ориентироваться в чужих странах. А также ваша способность рисковать и побеждать обстоятельства.

Я поднялась, поправила очки. Близорукость – неременная спутница людей, постоянно общающихся с книгами.

– До свидания. Такая работа не для меня. Я не Джеймс Бонд.

Красавчик Саша остановил меня жестом фокусника, показывающего, что его ладони пусты.

– Погодите, вы даже не знаете, о чем речь!

– И знать не хочу! Я занимаюсь только текстами, для чтения которых иногда необходимо залезть повыше. Все остальное – от лукавого!

Александр достал из кармана сложенную газету, по мелькнувшему заголовку я узнала английскую «Гардиан», развернул ее и показал статью с фотографией.

В глаза бросилась замурованная во льду плита, поверхность которой покрывали руны. Это мой снимок! Я сделала его месяц назад в недрах айсберга, набитого замороженными викингами... Не знала, что Эрикссон уже опубликовал статью о своих исследованиях!

– Можно? – осведомилась я, протягивая руку к газете.

– Конечно.

Мельком пробежала статью. В общем, ничего сенсационного. Просто Эрикссон не утерпел и сообщил газетчикам об уникальной находке. Позволил опубликовать две фотографии – снимок плиты с рунами и общий план замороженных викингов. Второе фото было неважного качества: лиц почти не разобрать – сплошная темная шеренга. И только клыкастый предводитель выделялся своим ростом. Единственное, что узнала, – Эрикссон перевел вторую рунную строку с плиты. «Перевод рун продолжается, – писал корреспондент. – Это весьма сложная работа. Толкование слов не всегда однозначное, но доктор Эрикссон не опускает рук».

Зато распускает язык!

Очень преждевременная статья. Шведам предстоит огромное исследование. Тщательная и кропотливая работа по изучению ледовых рисунков, рун, внешнего облика воинов. А в первую очередь он должен выяснить, кто этот человек со звериными когтями на руках? Жаль, конечно, что исследовать приходится не сам айсберг, а лишь фотографии... В общем, работы непочатый край. Но археолог не вытерпел и растрюбил о находке на весь мир. Хорошо – умолчал о своих фантазиях, что я и надписи на плите как-то связаны.

– Участвуя в финансировании научных проектов, наша компания получает налоговые льготы, – произнес Саша. – Мы хотели бы помочь доктору Эрикссону в поисках Камня, о котором говорится в первой строке рунного послания.

– Это сделать очень просто. Перечислите деньги на счет его университета.

Саша вновь переглянулся со своим молчаливым спутником:

– Нет, мы хотели бы сами найти Камень. А уже затем, попав в газеты и сделав тем самым себе рекламу, передали бы его в музей.

– Что еще за камень?

– Нам неизвестно, но мы подозреваем, что его ценность для исторической науки велика.

– Ваши слова не кажутся правдоподобными. Вы рассказываете байки.

Парень даже глазом не моргнул, переходя к атаке:

– Мы могли бы предложить вам пятнадцать тысяч долларов за то, чтобы вы отыскали Камень.

– И слышать не хочу.

– Двадцать тысяч.

– Можете не торговаться – деньги меня не интересуют! – Я взялась за стопку папок, собираясь поднять ее.

– Пятьдесят тысяч, – не моргнув, произнес Саша. Пальцы невольно разжались, когда я представила такие деньги.

Так, в ход пошли серьезные суммы, явно превосходящие рамки благотворительной научной программы. Ребята играют какую-то свою игру.

– Я не расслышала, как называется ваша компания?

- «Интеллидженг сервис груп». Боюсь, оно вам ни о чем не скажет.
- Кто является учредителем?
- Крупные российские бизнесмены, связанные с нефтяным производством.
- Зачем нефтяникам понадобился какой-то древний Камень?
- Как вы относитесь к сумме в семьдесят тысяч?
- Замечательный способ не отвечать на вопрос.
- К таким суммам я никак не отношусь и относиться не собираюсь.
- Восемьдесят.

Так он и до сотни доберется!.. Только чем выше называемая сумма, тем круче риск, о котором заикался Александр. Мне хватило Крита и Швейцарии. До сих пор коленки дрожат. Больше ничего не хочу... Но, черт возьми, вот какая штука! Кажется, эти люди знают о таинственном Камне больше, чем археолог Эрикссон.

Эффектным жестом парень вытащил из внутреннего кармана пачку «Парламента», вытряхнул сигарету и вставил в рот.

- У нас не курят, – предупредила я.

Парень скривил уголок рта в усмешке и, демонстративно щелкнув зажигалкой, раскурил сигарету. Табачный дым добрался до меня, попал в легкие и заставил закашляться.

– Пожалуй, мне пора, – сказала я, постучав себя по груди и с неприязнью глядя на раздражающий желтый галстук Саши. Очень хотелось содрать эту пакость с его шеи и потоптать. – Здесь скоро стены рухнут от гигантских сумм, которые вы называете.

И тогда заговорил седой мужчина со стальным взглядом. Пришло его время.

– Вы, Алена Игоревна, интересовались судьбой своих родителей, – произнес он низким хриловатым голосом. – Наводили справки, делали запросы...

Мне под диафрагму словно гребень стальных иголок вогнали. В горле вдруг пересохло, а на висках проступил пот.

- Извините? – с трудом произнесла я.
- Мы слышали, что вы ищете информацию о своих родителях...

Комната и шкафы с книгами поплыли перед глазами.

Когда мне было семь лет, мои родители погибли при взрыве бомбы на аэровокзале в Аммане в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. Отец работал корреспондентом в газете «Известия», мать – переводчицей при советских делегациях. Обычно они бывали за границей порознь. Мама тусовалась на элитных европейских форумах и конференциях, отец влезал во все дыры и горячие точки, которые только появлялись на земном шаре. Но так случилось, что в Аммане они оказались вместе. Единственный раз.

Отец улетел в Африку – в пекло очередного конфликта. Самолет захватили исламисты. Они заставили пилотов приземлить машину в столице Иордании. Шли долгие переговоры. Мать следила за их ходом по телевизору, затем не выдержала и отправилась туда. Когда пассажиров самолета все-таки освободили, казалось, что все закончилось. Ольга Баль встретила мужа, измотанный, но довольный Игорь Баль обнял жену. А потом один из переодетых террористов взорвал рядом бомбу...

Так звучала история, которую рассказала моя бабушка. Но три месяца назад я неожиданно услышала имена родителей из уст человека, который работал в составе специального отдела ЦРУ «Мгла» и выполнял в нем самые грязные поручения. Человек этот, Джон Бейкер, был не в себе. К нему возвращались прошлые воспоминания, и он пересказывал их окружающим, не сознавая того. Так вот, среди прочего он упомянул о непонятном участии спецотдела в судьбе моих родителей. Говорил о каком-то море, островах, лодках, гибели корабля «Бельмонд»... После этого Бейкер умер, я не успела вытрясти из него всю информацию.

Что он имел в виду? Когда происходили события? Почему Бейкер упомянул, что мои родители находились на корабле «Бельмонд»? Я всегда полагала, что единственное место, где мать и отец встречались за границей, был тот злополучный аэровокзал в Аммане.

Два раза я уже сталкивалась со спецотделом ЦРУ «Мгла». Кое-что знаю о них, об их методах работы... Упаси бог когда-нибудь снова пересечься с ними. Поэтому и мучил меня вопрос: «*Что было нужно коварному и жестокому спецотделу от Игоря и Ольги Баль?*»

Ту последнюю информацию я получила в начале лета. Обрывки фраз умиравшего Бейкера не давали покоя все три месяца. Я перекопала кипы газет с сообщениями о трагедии, перелопатила архивы «Известий», добралась даже до запасников Гостелерадио СССР. Не узнала ничего нового. Искала также упоминания о корабле «Бельмонд», который, по словам Бейкера, постигла ужасная катастрофа. Но все было напрасно! Никаких следов таинственного судна...

– Что вам известно о моих родителях? – тихо спросила я.

– Ничего, – спокойно ответил седовласый Глеб Кириллович. – Но мы знаем людей, которые могут владеть информацией.

Он подцепил меня на крючок. Чего не сделали деньги, то оказалось под силу простым словам. «Мы знаем людей, которые могут владеть информацией...» Самое главное – в этой фразе нет ничего определенного, а я уже трепыхаюсь в их руках!

Парень в желтом галстуке по имени Саша, похоже, понял, что я заглотила крючок. Нахально улыбнулся и намеренно выпустил струю вонючего дыма мне в лицо. Я снова закашлялась.

– Да, мы знаем, кто слышал про твоих предков! – произнес он.

Ноги распрямились сами.

Схватила его за отвороты модельного пиджака и припечатала к двери. Выхватила сигарету, запихнула ему в рот дымящимся концом, а в довершение – заткнула пасть противным желтым галстуком, как кляпом. Парень сдавленно мычал, отдирая мои руки от лацканов и изумленно убеждался, что все бесполезно. Скалолазные объятия такие же прочные, как слесарные тиски.

– Очень не хочется снова влезать в чьи-то игры! – выдавила я сквозь зубы. – И мне не нравится грязный шантаж информацией о моих умерших родителях. Если вы меня обманете, то клянусь...

Продолжая держать «Сашу», повернула голову и столкнулась с насмешливым взглядом седовласого.

– Да, – произнес он, улыбаясь одной стороной рта. Вторая – действительно парализована. – Поначалу мы сомневались. Но теперь убедились, что вы – та самая Скалолазка, о которой ходят легенды.

Я отпустила пижона в модельном костюме. Он свалился к моим ногам. Выплюнул конец галстука и, заливаясь кашлем, изрыгнул комки табака вперемешку со слюной. Из рта шел дым, словно парень поцеловался со Змеем Горынычем.

– Вам нужно поторопиться, – сказал Глеб Кириллович, перестав улыбаться. – Отправляйтесь завтра же. В Шереметьево-2 уже заказан авиабилет на ваше имя. Утром встретитесь... с Сашей. Он устроит все необходимые визы и передаст деньги.

– Почему я должна торопиться?

– Мы не можем сказать.

Я проскрежетала зубами. Излишняя таинственность меня нервирует.

– Куда же я лечу?

– В Лондон. В Британском музее хранится болотная мумия под названием Хромоногий Ульрих. Существует версия, что она каким-то образом связана с обнаруженным викингом.

– Когда я получу информацию о своих родителях?

– Всему свое время. Когда добьетесь первых успехов, тогда, может быть...

Саша поднялся с пола. В глазах затаилась злость. Если бы не Глеб Кириллович, наверняка набросился бы на меня!.. Хотя нет. Мерзавцы с такой улыбкой относятся к родовому виду подлецов. Они не кидаются на тебя, ослепленные гневом. Поджидают удобного случая, встают за спиной и бьют исподтишка. Приятная завтра будет с ним встреча в Шереметьево.

– Уходите, – глухо сказала я.

Молодой человек по имени Саша попятился, не спуская с меня глаз, исчез за дверью. Глеб Кириллович ненадолго задержался. Его тяжелый взгляд давил, словно бетонная плита.

– Не делайте глупостей, – произнес он. – Вы – такая молодая, красивая, талантливая... А мир просто кишит неприятностями – отказавшие тормоза, вода, попавшая в авиационный керосин, дряхлая опора перегруженного здания... Будет очень печально, если с вами что-то случится. Так что, повторяю, постарайтесь обойтись без глупостей.

– Вы мне угрожаете? – опешила я.

– Нет. Просто желаю счастливого пути.

Он ушел. Некоторое время я смотрела на облупившуюся краску дверного полотна...

У людей по-разному складываются отношения с родителями. Кто-то их любит, лелеет, почитает, ухаживает за стариками. Кто-то ругается вдрызг, уходит из дома... А у меня не было родителей. У меня их отняли. Один человек однажды решил соединить два провода в своем чемоданчике и вырвал из жизни семилетней девочки ее маму и папу.

Я думаю, что лишилась многого. Даже те, кто, повзрослев, ушли из отчего дома, хлопнув на прощание дверью, – получили больше, чем я. У меня отняли лучшие годы. Отняли чувства тех лет, которые должны остаться в памяти на всю жизнь. Можно сказать, что отняли нормальное человеческое детство.

Мне не хватало тепла матери. Раньше я часто видела маму во сне. Безликий образ. Черты ее лица стерлись из моей памяти после того, как я увидела два заколоченных гроба. Но я знала, что это – мама, обнимала ее. Душа наполнялась сладостной верой, что она жива, реальна, что я могу пощупать ее мягкий свитер, уловить аромат духов, услышать голос... И только проснувшись, я понимала, что мамы нет. Она мертва, Вот уже много лет...

До десяти лет тот сон посещал меня каждую ночь. Потом – куда реже. Сейчас вовсе не приходит... Медики говорят, что число сновидений с возрастом уменьшается в несколько раз. Они подготавливают нервную систему детей и подростков к вступлению во взрослую жизнь, служат своеобразным тренажером. Взрослым же сновидения не требуются. Поэтому теперь я и не вижу маму.

Но иногда по утрам моя подушка бывает мокрой от слез, а душа разрывается от непонятной тоски.

Глава 3

Чук и Гек

Семен Капитонович, мой начальник, посмотрел на меня подозрительно, когда я сообщила, что хочу взять две недели за свой счет.

– Никак опять за границу собралась, Овчинникова?

– Ну-у... – протянула. – Что-то я устала. Отдохнуть надо.

– Снова в неприятности угодишь?

– Это как получится, – выдал непокорный язык. Я мигом заткнула рот ладонью. Но было поздно.

Старик аж побагровел.

– Ты брось свои шуточки, Овчинникова! – Он сердито погрозил пальцем. – Что значит – «как получится»? Должно получаться, как у всех, кто отправляется на отдых к капиталистам! Солнце, пляж, трехзвездочный отель, «шведский стол» два раза в день и легкий флирт с аборигенами. Вон, Маринка Скрьльникова ездила с мужем в Египет. Документы не потеряла, в полицию не попадала, в беспорядках не обвинялась. Самолет приземлился именно в Каире, а не на другом конце света. Отдохнула, загорела – все как положено... А ты? Каждый раз приезжаешь измотанная, в фигуре – ни капли объема, как у нормальных женщин. Одна кожа да кости. Выглядишь – словно призрак Надежды Крупской.

– Я тренируюсь, у меня лишний вес не копится.

– Тренируется она! Мужики от тебя скоро шарахаться начнут. Уже шарахаются! Зачем ты менеджера супермаркета сунула в раковину под кран? Приговаривала, что будешь так держать, пока хлорированная вода не вымоет из него все мерзкие слова?

– Он меня «доской» назвал. Я-то не обиделась, но он еще обозвал Наташу Зайцеву «двухногий коровой». Она после этого ревела целый час.

– Все равно – нельзя так! Нужно вежливее, интеллигентнее.

– Он вежливо не понял, когда я сказала, что он подобен царю Ироду Первому Великому.

Руки стал распускать.

– Короче, хватит.

– Отпустите?

– Куда я денусь! А если ты и меня в раковину ртом под кран?

– Ну что вы!

– Ладно-ладно. Значит, так. В полицию не попадать, с мужиками не драться, по стенам домов не лазать, погромы на центральных улицах не устраивать.

– А вот этого не было! – возмутилась я последним.

– Потому и предупреждаю, чтобы не учудила! – ответил Семен Капитонович. – В общем, не совершать противозаконных поступков, выглядеть симпатично и привлекательно – как положено женщине, а не дьяволу в юбке. Обещаешь?

– Периклом клянусь.

– Так, и последнее. Тебе звонил твой друг из Швеции... Этот... Фамилия – как у телефона.

– Эрикссон! – удивилась я.

– Точно. Сын Эрика. Просил передать, что прошлой ночью его кабинет в университете ограбили. Унесли ноутбук с текстами работ, старинные книги, изделия, статуэтки, украшения викингов. Заодно прихватили все фотографии, которые вы сделали на айсберге. Больше всего беспокоился о фотографиях. Умолял отпечатать их заново и отправить ему.

– Вот так да! – выдохнула я.

Пленка у меня. Преспокойно лежит в сумочке на моем рабочем столе. Хорошо что я не отдала ее Эрикссону, как он умолял. Украли бы вместе с остальным... Нужно сразу после работы сбегать в пункт проявки. Пусть напечатают тонну фотографий на всякий пожарный. Кажется, пленка сделалась настолько ценной, что становится страшно.

В конце рабочего дня я попрощалась с коллегами. Две сотрудницы со вздохом признались, что тоже с удовольствием бы смотались в Лондон, дабы развеяться, но вместо этого в ближайший выходной будут «развлекаться» на дачных грядках.

Верочка Шаброва, моя самая близкая подруга, обняла меня на прощание.

– Не ввязывайся в неприятности, – напутствовала она, таращась сквозь огромные линзы.

– Ну что ты! Ты же меня знаешь!

– Потому и говорю, что знаю.

Я покинула архив с тяжелым предчувствием, что вернусь в этот полосатый дом нескоро.

В вагоне метро толпа прижала меня к дверям. Я смотрела сквозь стекло на темные движущиеся стены тоннеля и думала о странном Камне, который предстоит искать. Что это за артефакт? Как он связан с замороженным воином? Как могучий викинг связан с мумией в Британском музее?

Чем больше возникало вопросов, тем меньше хотелось ехать в Лондон. Чувствовала, что выйду на своей станции и желание вовсе пропадет. Я – не охотник за древностями, тем более никогда не занималась этим за деньги. Случалось, обстоятельства вынуждали искать и находить некоторые уникальные вещи. Деваться было некуда. Сейчас выбор есть, и самое правильное – забыть о странном визите представителей «Интеллидженд сервис групп». Да, вот такая штука. Мне чертовски хотелось узнать, какой информацией о моих родителях располагает Глеб Кириллович.

Когда вышла из метро, небо хмурилось, хотя дождиком вроде не пахло. Залезла в автобус и проехала две остановки. Пункт проявки располагался неподалеку от моего дома на Большой Пироговской. Отдала пленку в печать. Молоденькая девушка за стойкой пообещала, что фотографии будут готовы завтра в девять утра.

В девять, хм... Я прикинула в уме. На десять назначена встреча в Шереметьево с красавчиком Сашей, который носит желтые галстуки и теперь знает, каковы они на вкус. Должна успеть на свидание, если возьму такси.

Возле моего подъезда на лавочке ворковали две бабульки. Я поздоровалась, они лживо улыбнулись в ответ и принялись активно шушукаться, обсуждая меня. По лестнице поднималась не спеша, прикидывая список вещей, которые надлежало собрать в поездку. Надо же – редкий случай, когда нет необходимости тащить альпинистское снаряжение! Сумки с ним обычно чрезвычайно тяжелы... Захватчу пару платьев, пару туфель. Еще зонт – осенью в Англии всегда идут дожди. Не успею спуститься по трапу, как промокну насквозь, словно утопленница...

Лестница закончилась, я была на своей площадке. С вещами определилась, оставалось набить ими чемодан.

Что такое? Дверь в мою квартиру чуть приоткрыта. Между стальной створкой и коробкой – щель в два пальца, треугольный язычок автоматического замка несмело выглядывал на свет божий.

Вот растяпа! Неужели я захлопнуть ее забыла! Убегала в спешке. Допоздна вчера смотрела чемпионат мира по академической гребле. В результате проспала, и утро превратилось в маленький катаклизм.

Переступив через порог, поняла, что дело не в моем разгильдяйстве. В квартире царил кавардак. Одежда сдернута с вешалок. Оранжевый диван «Магнат» вспорот несколькими длинными разрезами. На свет вылезла белая набивка, в некоторых местах похожая на кишки, а в других – на причудливые мягкие игрушки. Книжный шкаф выпотрошен. Книги валяются возле него грудой, словно приготовленные к сожжению на нацистских кострах. Чешский хру-

сталь, заботливо собиравшийся мною в течение восьми последних лет, хрустел под туфлями. Создавалось впечатление, что, уходя на работу, я оставила распахнутой форточку; пока меня не было, на улице случился ураган, кусочек которого пробрался в квартиру и все разворотил.

Из-за двери спальни комнаты выглянул кот. Немного постоял, глядя на меня наглыми глазами, а затем вылез весь – большой, пушистый и рыжий. С важным видом проследовал мимо расколотого цветочного горшка, по замысловатой траектории пробрался между гнутых ножек испанского стула.

– Барсик, неужели это твоих лап дело? Ты чего, валерьянку искал?

Кот обиженно мяукнул и демонстративно встал возле пустой миски. Ну, конечно! Мне сейчас только и забот, как тебя кормить!

Ну и дела. В моем доме побывали незваные гости! Перевернули всю квартиру, нехристи! Чего искали? Что им было нужно?

Я прошла в гостиную и споткнулась о моток альпинистской веревки, который валялся посередине комнаты. Взломщики перетряхнули и мое снаряжение! В самом деле, ничего святого у людей нет.

Если честно – даже не знала, что делать. Нужно было бы милицию вызвать, но на следующее утро вылет в Лондон. Не до милиции.

Позади меня скрипнула входная дверь. За восемь лет проживания в квартире ее я изучила достаточно.

Кто-то вошел. Без звонка, без стука, без предупреждения.

Я резко обернулась и попятилась с испугу.

Ошибочка. В квартиру никто не вошел. А входная дверь скрипнула потому, что из-за нее появился человек. О его намерениях красноречиво говорил тот факт, что он прятался до тех пор, пока я не переступила порог своего дома.

Дверь повернулась и захлопнулась на автоматический замок. Человек вышел из укрытия, но лицо его оставалось в тени. Я видела только светлую футболку с надписью на груди: «Любите кротов! Они дарят людям отличные шубы!»

– Кто вы такой? Что вам нужно?

Свет упал на литые плечи, обтянутые футболкой. Еще шаг – и открылось лицо. Коротко стриженные жесткие черные волосы, загорелая кожа, борода-эспаньолка, длинные узкие баки.

Я было попятилась, но наткнулась на чей-то крепкий торс. Резко обернулась.

Второй человек появился из спальни. Прятался там вместе с котом, а когда я отвернулась, неслышно встал за моей спиной. Мужчина был точной копией первого, и майка с такой же дурацкой надписью. Словно зеркальное отражение.

Близнецы! Чук и Гек, мать их! Это они разгромили мою квартиру! Мое заботливо ухоженное гнездышко!

– Кто бы вы ни были, убирайтесь вон! – сердито сказала я.

Меньше всего ожидала услышать в ответ экспрессивную испанскую речь. Теперь увидела, что парни – махровые латинос. Лица, загар, бородки... Заговорил тот, который появился из-за входной двери. Я условно назвала его Чуком.

– Буэнос диас, сеньорита! – улыбнулся он, будто старый добрый друг. Во рту сверкнула фикса. Уверена, что у второго такая же. – Мы вас заждались!

– Да, заждались, – подтвердил второй.

– Мы у вас кое-что искали...

– Да, искали, – эхом отозвалась копия Чука. Пусть будет Геком.

– Я заметила, что искали, – ответила им на испанском.

Не имела ни малейшего понятия, что делать дальше. Заорать во все горло? Бессмысленно. Гек продолжал маячить за спиной, а Чук расхаживал вокруг меня, словно голодный тигр, да улыбался без конца. Заткнут мой крик мигом, превратив в жалобный писк. Ребята – не

квартирные воришки. Не тот формат. Фигуры – на загляденье, мышцы – пропорциональные, как у гимнастов. Взгляды сверлят, словно лазеры.

– Мы искали кое-что, – продолжил Чук с поддельным разочарованием, – но не нашли. Поэтому решили дождаться вас, сеньорита.

– Присядьте, – предложил Гек из-за спины, и мне под колени врезался стул. Я невольно упала на него.

– Что вам нужно? – спросила я дрожащим голосом.

– В чудесных водах Атлантического океана вы забирались на один примечательный айсберг, – поведал Чук.

– Вам чертовски повезло, сеньорита! – продолжил Гек и вышел из-за моей спины, и я тут же запуталась, кто есть кто. – Говорят, сделали много снимков.

– Нам нужна пленка, – произнес один из них – уж и не знаю который. – У вас должна быть пленка со снимками. Ага?

Разговор с моим начальником Семеном Капитоновичем немедленно всплыл в голове. Я посмотрела на близнецов.

Вот кто ограбил кабинет доктора Эрикссона в университете Стокгольма! Эти два парня, похожие друг на друга, как куклы Барби одной штамповки! Грабителям Стокгольмского университета не были нужны ноутбуки и железные фигурки бога Тора. Они пришли за фотографиями! Понятия не имею, зачем двум мачо потребовались снимки викингов. Такое впечатление, что любой проходимец знает об айсберге больше, чем мы с Эрикссоном, вместе взятые...

– Вы уже взяли фотографии в кабинете шведского археолога, – заявила я. – Зачем вам пленка?

– Важная фотография не получилась, – ответил один.

– Очень важная, – добавил другой.

Я быстро прикинула, которая из фотографий не удалась. Вряд ли вспомню. Надо спросить Марка. Но сначала нужно выбраться из коготков этих улыбчивых парней.

– Давно увлекаетесь альпинизмом? – поинтересовался один из латинос, пошевелив ботинком веревку на полу. Вопрос сбил меня с мысли, и понадобилось некоторое усилие, чтобы восстановить ее.

– ...Эта фотография важна для поисков Камня? – спросила я.

– Может, вам еще рассказать, кто убил президента Кеннеди? – ухмыльнулся близнец.

– Отдайте нам пленку, – попросил второй.

Больше от них ничего не добиться.

– Пленка лежит в яйце, – ответила я, – яйцо в ларце, ларец на дубе, дуб на острове, который находится за тридевять земель в тридесятом царстве. Отправляйтесь туда.

– Что? – произнесли хором латинос, перестав улыбаться.

– Я говорю: идите-ка вы подальше!

Чук с Геком переглянулись. Угрожающая доброжелательность вернулась на их лица.

– Сеньорита чрезвычайно умна, – сказал один.

– А мы – тупые, – добавил другой.

– Придется действовать тупо, чтобы не разочаровать ее.

– Да. Я видел на кухне хороший нож.

Не успела я вздрогнуть, как один из непрошенных гостей в мгновение ока заключил мою шею в объятия. Впечатление такое, словно чугунный хомут накинули. Ни голову повернуть, ни вздохнуть полной грудью. Могла лишь вращать глазами и сдавленно хрипеть.

Второй ненадолго исчез на кухне, но быстро появился, держа в руках мой цептеровский нож – самый большой из набора.

– Полагаете, мы не добьемся откровения? – спросил он.

Повертел нож в руках, придирчиво осматривая. Проверил балансировку, покачав на ладони.

– Сначала мы отрежем пару ваших миленьких пальчиков, – радостно прошептал на ухо тот, который сжимал мою шею.

– Безобразие, чем приходится работать! – разочарованно выдал первый латинос, недовольный обследованием ножа.

– Отпустите меня! – прохрипела я. – Все расскажу! Пленки у меня нет. Она в печати!

– Вот и выясним – где.

Хотя произнесена фраза была на удивление беззаботно, у меня не осталось сомнений, что шутить никто не собирается. Отрезать бедной девушке пару пальцев – для этих ребят не только работа, но и удовольствие.

Я затрепыхалась, попробовала отодрать мускулистую руку от шеи, но мои усилия напоминали потуги зайца, который попал в медвежий капкан.

Парень с ножом, Чук или Гек – без разницы, сжал запястье моей правой руки. С легкостью преодолел сопротивление и припечатал ладонь к табуретке. Нержавеющая сталь блеснула в опасной близости от моего указательного пальца.

– Отпустите! – запрочитала я. – Все расскажу! Мне нечего скрывать!

– К сожалению, – отозвался латинос, державший меня за шею, – моему брату очень хочется отрезать ваш палец.

– Точно, – кивнул обладатель ножа. – Сил нет как хочется.

Противостояние могло закончиться очень плачевно, если бы вдруг не заверещал пронзительный звонок в дверь. Он у меня громкий и противный, как пожарная сигнализация. Никак не соберусь купить приличный – с мелодиями, гармоничным перезвоном или кукушкой какой-нибудь, на худой конец. Обычно трель звонка раздражала, иногда даже хотелось выдрать его и запулить с балкона как можно дальше. Но тут звонок превосходно отвлек взломщиков от их живодерских намерений.

Оба латинос повернулись в направлении прихожей.

Железная дверь содрогнулась от барабанной серии настойчивых ударов. Надежда родилась во мне. Кто-то знает, что я в беде, и спешит на помощь!

– Кто это? – тихо спросил меня один из латинос.

– Что им нужно? – спросил другой.

– Немедленно откройте! – раздалось из-за двери. – Это милиция!

Бородатые брюнеты – кстати, до ужаса похожие на Джорджа Майкла, – не отрывали взглядов от входной двери. Насторожились. А вот я поняла, что помощи ждать не приходится. Потому что...

– Я не шучу! В самом деле милиция!! – раздалось обиженно из-за двери.

Такие выходы устраивает только один человек – мой бывший муж Леха Овчинников. Обычно подобный набег на мою квартиру он совершает под сильным хмельком, когда деньги у него кончаются и требуется еще полтинник, чтобы упиться до животного состояния и подзаборного беспамятства. Тогда он стучится, представляясь то пожарным, то водопроводчиком, утверждая, что я залила все четыре этажа ниже себя. Я ему открываю и резонно объясняю, что он считать не умеет. Я живу на четвертом! Ниже меня только три этажа. Часто просто кидаю его в ванну, чтобы он там проспался до утра.

Лехины «набеги» доставляют всегда одно лишь беспокойство. Но сегодня они пришлись как нельзя кстати.

Крики «откройте, милиция!» не напугали латинос, нет. Кажется, они и по-русски не понимали. Откуда они вообще взялись – такие загорелые в центре Москвы?.. А Леха орал настолько правдоподобно и интонации конструировал такие угрожающие, что невольно рисо-

валась рядом с ним как минимум рота ОМОНа. Латинос насторожились и на время забыли про меня. Близнец, сжимавший мою шею, ослабил хватку.

Я не замедлила этим воспользоваться.

Знаете ли, мне дороги мои пальцы, я их очень люблю и не согласна с ними расстаться.

Затылком врезала в лицо близнецу, что стоял позади. Послышался глухой хруст, словно треснула яичная скорлупа... Парни симпатичные, наверняка девушкам очень нравятся, но одному из них теперь придется с месяц походить с повязкой на лице, потому как сломанный нос сам собой не срастается.

Он коротко вскрикнул и выпустил меня. Теперь их можно различать, не напрягаясь. Пусть инвалид будет Чуком.

Я вскочила со стула.

Второй близнец сидел на корточках, держал в руках нож и вопросительно глядел на меня снизу вверх.

– Если ты прикоснешься ко мне... – начал он.

Я не стала дожидаться обязательных после такой фразы угроз и толчком ноги опрокинула латиноса. Рассыпанные по полу осколки врезались ему в спину. Парень вскрикнул – не каждому дана выдержка йогов.

– Алена, ну открывай, елы-палы! – Пьяный Овчинников продолжал колотить в дверь.

Я дернулась в направлении прихожей. Все, что нужно, – отомкнуть защелку и выскочить в коридор навстречу бывшему ненаглядному. На это требуется несколько секунд...

Парень со сломанным носом уже перегородил мне путь из квартиры. Быстро опомнился! Совершенно не обращал внимания на кровь, которая двумя ручьями лилась из ноздрей. Откуда-то в его руке взялся пистолет – большой, сверкающий, явно не российского производства.

Второй тоже поднимался. Теперь они напоминали двух быков, наливавшихся холодной яростью. Раненые животные смертельно опасны.

Пальцы резать не будут. Пристрелят сразу. Надо бежать. Вот только куда?

Взгляд упал на моток веревки под ногами.

Трудно состязаться в скорости с пулей, но я все-таки попыталась.

Нагнувшись, схватила веревку и кинулась к распахнутой балконной двери. На ходу провела в уме несложный математический расчет. До земли три этажа – это метров десять. Веревка двадцатиметровая (сама отрезала, чтобы страховаться ею на невысоких скалах), но сложена пополам. Значит...

Выстрел прозвучал оглушительно, пожалуй, на весь дом. Пуля пролетела рядом – обнаженное плечо успело почувствовать горячую воздушную струю – и врезалась в стену, выбив мне в лицо бетонную крошку.

У меня нет ни секунды лишней. Одно только нужно успеть...

Затормозив на мгновение, перекинула веревку через трубу батареи.

Все!

В один прыжок очутилась на балконе.

Перила выросли на пути.

Перескочив через них, я сиганула с четвертого этажа...

Пугающая пустота встретила меня, когда балконные перила остались позади. Квадратный дворик с палисадниками, тополями и детской песочницей повернулся и ринулся навстречу, словно локомотив – так же быстро, массивно, угрожая расплющить. В груди перехватило, сердце сжалось. Четвертый этаж, десять метров – не ахти какая высота. Но почему-то было страшно.

Уже в полете намотала веревку на кулаки. Мимо скользнул балкон третьего этажа. За стеклом успела увидеть лицо старичка-соседа, бывшего танкиста, глухого как пробка. Он смотрел на меня внимательно и задумчиво, словно я ничем не отличалась от падающих осенних листьев.

Просторная крестьянская юбка запуталась в ногах. Бог с ней! Я глядела на землю, которая приближалась очень быстро, и молилась, чтобы веревка не оказалась слишком длинной. Удивительно, сколько мыслей приходит в голову, пока падаешь с четвертого этажа...

Ууу-уфф!!

Веревка расправилась полностью. Начала растягиваться, смягчая рывок. Динамическая все-таки.

До земли оставалась пара метров. Если я правильно рассчитала, то, растянувшись на положенные двадцать процентов, веревка опустит меня прямо в палисадник под балконом. Даже прыгать не придется. Надо только вовремя отцепиться.

Мои планы нарушил латинос с ножом.

Я мельком увидела его голову над краем балкона и стальное лезвие, нежно прижавшееся к веревке. В следующий момент веревка лопнула.

С небольшой высоты я грохнулась в кусты палисадника. Не катастрофическое падение – случилось и с трех метров приземляться на камни. Но в этот раз вышло неудачно. Среди кустов кто-то умудрился выгрузить целую грудку металлолома – старый велосипед, ржавый дореволюционный утюг, швейную машинку «Зингер» без подставки. Поленился тащить рухлядь на помойку и выбросил ее с балкона. Спасибо тебе, неизвестный доброжелатель!

Ноги угодили в велосипедную раму и запутались в ней. Я не удержала равновесие и рухнула, врезавшись локтем в чугунный корпус «Зингера».

– Ух!

Зажмурилась от боли. Предплечье отнялось, словно и не было его...

Кто же это барахло сюда навалил? Убила бы лентяя! Но это потом, когда время будет. А сейчас – некогда разлеживаться.

Поднялась, придерживая руку, которая казалась чужой. Громыхая железяками под ногами, поломала кусты и вывалилась на дорожку возле своего подъезда. Юбка мятая, кофта вся в колючках, волосы включенные, на лице дикое выражение... Еще бы! Не каждый день прыгаешь с четвертого этажа из собственной квартиры.

Подняла голову и обнаружила перед собой бабушек на лавочке. Они повернулись боком, словно не видели включенного пугала, но искоса поглядывали на меня и бешено крестились. Кажется, я рухнула с балкона прямо у них на глазах. Что ж, теперь будет тема для сплетен на весь оставшийся год.

Сверху раздался непонятный свист. Я оглянулась.

С моего балкона упал веревочный конец. Один из латинос перелез через перила и нацепил на веревку зажим для спуска... Мой зажим! И веревка моя!

– Как все отрицательно! – пробормотала я.

Парень отделился от балкона, быстро и элегантно съехал вниз. На загляденье красивая техника. А как равновесие держит!.. Только что же я засмотрелась на него, дура?!

Поднялась с асфальта и стрелой бросилась за угол дома.

Я пробежала пару кварталов, петляя и запутывая след. Только когда окончательно запыхалась – глянула назад.

За спиной никого не было. Двор, гаражи, мужики пьют портвейн и играют в шахматы – странное сочетание... Преследователя не видно. Отстал. Немудрено! В иных российских дворах даже трезвый заблудится.

Однако что же я?.. Там же Овчинников в мою дверь барабанит! Сейчас близнецы откроют ее и устроят парню ускоренный курс вытрезвления с использованием хирургии.

Я завертелась на месте, не зная, что делать. Если вернусь, то меня схватят. Если буду прятаться остаток вечера, то от Овчинникова останется лишь обведенный мелом контур на полу.

С лавки поднялся один из шахматистов и, шатаясь, направился ко мне. На голове кепка с якорем речного флота, под драным пиджаком – тельняшка.

– Извините, – произнес он. – Дама, вы, случайно, не играете в шахматы?

Я отрицательно покачала головой.

– Очень жаль, – вздохнул «моряк», развернулся и отправился обратно в компанию, которая сосредоточилась на какой-то мудреной комбинации.

Придется бежать назад. А куда деваться? Овчинников не чужой все-таки.

И я побежала.

В родной двор входила с оглушительно колотящимся сердцем. Прошло минут пятнадцать с тех пор, как стремглав неслась отсюда... Бабушек на лавочке уже не было. Дверь в подъезд закрыта, с моего балкона никаких веревок не свешивалось.

Я прислушалась. Криков из квартиры не доносилось. Наверное, Овчинникову рот заткнули кляпом.

Едва приблизилась к двери в подъезд, как она резко распахнулась. На пороге возник объект спасения собственной персоной.

Он держался за стену, и мне показалось, что Леха потерял столько крови, что двигается из последних сил.

– Ты жив! – воскликнула я, кинувшись к нему.

– Едва, – ответил Леха. – Но меня еще можно спасти. У тебя полтинника не будет до десятого?

Он и в самом деле двигался с трудом, потому что был пьян. Из рта воняло скипидаром. Я поспешила отстраниться.

– Ты был в моей квартире? – спросила я осторожно.

Овчинников распрямился, с достоинством вытащил из кармана мятую сигарету и сунул в рот.

– Ну ты и бойфренда завела! Лось такой! А матерится как замысловато! Пытался запомнить хотя бы фразу, но, понимаешь, я сейчас не в том состоянии...

– Овчинников! Это он по-испански говорил, голова твоя чугунная!

– Да? – Леха задумчиво выпустил струю дыма. – Научи меня испанскому.

– Шас!!.. Все брошу и начну бомжей испанскому языку обучать!

– Я что-то не понял. Ты кого бомжем назвала?

– Где этот испанец?.. То есть где ОНИ?

– Так их в самом деле было двое?! Я думал, у меня зрение садится. Очки нужны.

– Очки тут ни при чем! Пить надо меньше!.. Куда делись эти одинаковые молодчики?

– Сели в машину и уехали... Алена, а чего они делали у тебя?

Я оставила недоумевающего Леху у подъезда, а сама побежала в квартиру. Дверь была приоткрыта – так же, как в первый раз, когда я вернулась с работы. Погром никуда не исчез. Зато близнецы смылись – впрочем, это не обнадеживало. Они в любой момент могли вернуться, поэтому ночевать в квартире я не собиралась. Забрала паспорт, покидала в сумку немного вещей, которые понадобятся для поездки. Долго думала: прихватить ли на всякий случай что-нибудь из альпинистского снаряжения? Решила ничего не брать. Глеб Кириллович обещал оплатить расходы. Прикуплю, если появится необходимость. Подхватила сумку, взяла на руки Барсика и, тяжело вздохнув, покинула разгромленную квартиру.

Глава 4

Натура скандинавского волка

Переночевала в квартире, которую снимал Овчинников. Она располагалась на расстоянии автобусной остановки от моего дома. Весь путь прошли пешком. Я вела бывшего мужа под ручку, а он, закрыв глаза, добросовестно чеканил шаг. Когда наконец оказались в его неухоженной обители, Леха поначалу активно протестовал против моего присутствия. А потом резко уснул. Я перетащила его на кровать, а сама устроилась на жестком диванчике. Утром встала с раскалывавшейся головой и ноющим локтем. У Овчинникова были похожие проблемы, только локоть его не беспокоил.

Оставила ему на попечение кота. За Барсиком особенно следить не нужно. Он привык к моим поездкам и в принципе сам добывает пищу – благо в московских дворах еще не перевелись голуби-ротозеи. Да и люди иногда сумки с продуктами на землю ставят. В моем доме повадки Барсика все уже знают, а в Лехином пока поймут и приспособятся – я уже вернусь. Так что кот голодать не будет. Главное – чтобы Овчинников не приучил его пиво лакать (попытки были).

Помыла голову, надела чистую блузку. Влезла в деловой огненно-красный костюм, который удачно гармонировал с моими цвета воронова крыла волосами и убивал мужчин наповал в радиусе десяти метров. Эх, требовалось бы выбрать что-нибудь поскромнее, но возвращаться уже не было времени.

Накрасила губы, подвела брови, вытянула тушью ресницы. Отошла от зеркала, критически оглядывая себя.

– Ты куда такая нарядная? – спросил Овчинников. Он сидел на кровати, прижимая к виску холодную бутылку с пивом. Иногда, отрывал ее от головы, чтобы отхлебнуть, затем прикладывал снова. На работу, кажется, не собирался.

– В Лондон... – Я осторожно потрогала локоть. За ночь на нем появился живописный синяк. Ничего. Главное, что рука двигается. – Дела есть.

– Купи мне там шапочку.

– Какую? – спросила я, с трудом вспоминая Лехин размер.

– Таковую же, в которых эти... гренадеры перед Букингемским дворцом маршируют.

Леха явно издевался надо мной, потому что имел в виду высоченную мохнатую шапку гренадеров лейб-гвардии ее величества королевы Англии.

– Тебе, Овчинников, не шапку надо, а закодироваться от алкоголизма.

– У меня не получается. Все время код забываю.

Я хихикнула:

– Ну ладно. Я поскакала!

Заправила за ухо прядь, подхватила сумку, по инерции поцеловала Овчинникова в небритую щеку... и только через секунду сообразила, что сделала.

Леха замер, взгляд его потускнел и сделался серьезным. Даже вечно искривленные в усмешке губы распрямились.

Скоро исполнится два года, как мы не живем вместе. Год назад, после событий на Крите, когда Леха получил пулю в живот и едва не умер, наши отношения восстановились. Был момент, когда мне показалось, что время, проведенное в разлуке, его чему-то научило. Я ощущала его поддержку и чувствовала, что нужна ему.

Но очередной загул Овчинникова по ночной Москве вырвал с корнем робкие ростки нашего примирения. Последовал разрыв. Мы разъехались. Он снял эту квартиру и вновь погрузился в зеленое болото алкоголизма.

– Не делай так больше, – сказал Леха, глядя на пустую стену перед собой.

– Извини.

Я покинула его, сгорая от стыда.

Черт возьми! Похоже, Леха продолжает испытывать ко мне какие-то чувства, но тщательно прячет их за личиной ханыги и балагура. Крохотный поцелуй в его небритую щеку сковырнул маску... А может, я выдумываю все? Может, хочу, чтобы так было?

Лучше остановиться вовремя, чтобы не мучиться потом самой и не вводить в искушение Овчинникова.

Девушка из пункта прояски прикрыла зевок ладонью и шлепнула на прилавок толстый пакет с фотографиями. Осторожно улыбнулась каким-то своим мыслям, Видимо, вспомнила приятный вечер, из-за которого не выспалась. Как я ей завидую! Мне бы кусочек ее счастья! В моем расписании в ближайшее время не только приятных вечеров не предвидится, но также и душевных утренних рассветов, дремотных полудней и спокойных ночей.

Я не стала разбирать фотографии, кинула их в сумку, заплатила деньги и поспешила на проспект ловить такси. В аэропорт прибыла в начале одиннадцатого. Возле пункта регистрации маячил Саша.

Сегодня представитель «Интеллидгент сервис групп» нарядился в новый костюм – не менее роскошный, чем вчерашний. Но полосатый галстук, напоминавший раскраску тюремной робы, опять портил впечатление.

В первый момент Саша меня не узнал. Еще бы! Вчера он встретил архивную мышь в очках, в свитере с длинными рукавами и юбке до пят. А тут к нему подошла привлекательная молодая дама в агрессивном красном костюме. Саша включил улыбку «для заигрываний» и произнес неизменную в таких случаях присказку:

– Девушка, мне кажется, мы с вами где-то встречались!

– Конечно, встречались! – произнесла я устало. – Вчера в архиве. Это в ожидании меня ты скучаешь здесь?

В глазах молодого человека отпечаталось такое потрясение, словно я с ним не говорила, а с размаха по лбу двинула. Около минуты он пытался что-то промямлить, но лишь беззвучно открывал рот. Потом все-таки пришел в себя и заговорил.

Наше расставание прошло вчера, скажем так, не очень гладко. Мне показалось, что Саша затаил злобу. Но сегодня он старался продемонстрировать, что не помнит курения в библиотеке, лацканов своего пиджака в моих руках и мятый галстук в собственном рту. А потому едва заметно лебезил. Мне от этого стало еще противнее.

– Вот ваш билетик, карточка «Виза» с денежками на расходы – ни в чем себе не отказывайте. Сотовый телефон с широким роумингом... Паспорт на имя Алены Цойгель, гражданки Германии. Там проставлены визы в разные страны – могут пригодиться.

Я немного ошалела:

– Вы даете мне поддельный паспорт?!

Саша беспокойно оглянулся по сторонам:

– Ну что вы кричите?.. Да, поддельный. Но его не отличишь от настоящего, а гражданкой Евросоюза вам будет путешествовать намного легче.

– Это же незаконно!

– Законно, незаконно – понятия условные. Пересечение границ – пустая формальность, осложненная международной бюрократией. Разве наши предки, прежде чем отправиться в завоевательные походы, томились в посольстве? Добывали бронь гостиниц и обратные авиабилеты? Нет! Они просто брали в руку дубину и шли, куда им надо!

– Вы не правы, но мне сейчас неохота спорить, потому что болит локоть... Что делать с настоящим паспортом?

– Отдайте мне.

Я посмотрела на его полосатый галстук и ответила:

– Нет уж. Я вам не доверяю.

Запихнула паспорт на дно сумки, чтобы таможенники случайно не наткнулись. Здорово я буду выглядеть, если у меня обнаружат два паспорта на разные фамилии!

– Как угодно, – произнес Саша. – Вам необходимо посетить Британский музей. Там...

– Да-да, я помню. Болотная мумия Хромоногий Ульрих. Что с ней делать?

– Мумия имеет связь с замороженным конунгом. Еще хочу добавить, что около двадцати лет назад некоторыми исследователями уже предпринимались попытки найти Камень. Ничего не получилось. Теперь, когда обнаружен айсберг, возможно, удастся найти новый след.

– Как связаны мумия и замороженный конунг?

На долю секунды Саша задержался с ответом:

– Мы этого не знаем.

Лжет. Явно знает, но не хочет говорить.

– Если я не буду знать всей правды, то где вероятность, что я найду Камень? Вещицу, которая вам так необходима для повышения имиджа компании?

Смазливое лицо Саши скривилось в усмешке.

– Помните, за что вы работаете, госпожа Овчинникова... Ваше вознаграждение – информация о погибших родителях. Вот и не задавайте лишних вопросов.

– Желаете, чтобы теперь полосатый галстук побывал в вашем поганом рту?

Я думала, что выведу его из себя, что Саша опять взорвется, в глазах вспыхнет гнев, злоба вырвется наружу...

Но этого не случилось.

– У вас нет выбора, милочка! – ответил Саша спокойно. – Будете играть в покер по нашим правилам!

Он прав. Выбора действительно нет. Мне не нужен их древний Камень. Мне необходимо знать, что случилось с моими родителями... Иначе сойду с ума.

– Как вас найти, если понадобится? – спросила я.

– В телефонной книжке сотового телефона я значусь под именем Любимый, – ответил Саша, довольный своей шуткой.

– Не беспокойтесь, я переделаю имя на более подходящее... – пообещала я. – У меня вчера были проблемы. Мою квартиру перетряхнули какие-то люди. Близнецы, говорившие на испанском. Схватили меня, выпытывали про фотографии с айсберга. Знаете, кто они такие?

– Вы отдали им фотографии?

– Нет. Я сбежала. Зачем кому-то понадобились фотографии?

– Я говорил о том, что двадцать лет назад кое-кто уже разыскивал Камень. Тогда эти поиски окончились безуспешно. Но с обнаружением айсберга появилась надежда на успех.

– Кто эти близнецы?

– По всей вероятности, представители организации «Гринпис».

В первый момент я подумала, что он снова шутит. Но на этот раз Саша был вполне серьезен.

– Нет, это вполне возможно, – закивал он. – Наши люди уже сталкивались с ними.

– Почему «Гринпис»? Мы что, спугнули с того айсберга популяцию редких альбатросов? Саша промолчал. Посмотрел на электронное табло расписания рейсов.

– Ладно, – сказала я. – Не хотите отвечать, тогда прощайте!

Он не шелохнулся. Я развернулась на каблуках и направилась к стойке регистрации авиабилетов.

Пристроилась в конец очереди. Опустив на пол сумку с вещами, обнаружила, что сжимаю в руке кипу вещей, которые мне передал картинный лизоблюд Саша. Поддельный пас-

порт, авиабилет, кредитную карточку, сотовый телефон. Полный комплект путешественника. Я зажала документы под мышкой и сосредоточила все внимание на миниатюрной трубке «Нокиа».

Первым делом переименовала название номера «Любимый» в более подходящее: «Таинственный убудок Саша». Вот. Задачу первой необходимости выполнила. Теперь нужно проверить, как работает телефон.

Немного подумала и набрала номер Эрикссона. Следовало еще вчера с ним связаться, но после прыжков с четвертого этажа я слегка об этом забыла.

Исследователь викингов поднял трубку. Голос шведского археолога был тихим и обреченным, но, когда я назвала свое имя, Эрикссон ожил.

– Сердце болит, – пожаловался он. – Меня чуть инфаркт не хватил, когда я увидел вчера ограбленный кабинет... Алена, вы напечатали фотографии?

– Тут такой ураган закрутился с вашим айсбергом, доктор – сказала я, – что у меня все извилины в голове переплелись.

– Ох, что еще?

– Всего рассказывать не буду, и не надейтесь. Не хочу, чтобы мой рассказ сделался причиной очередного вашего инфаркта.

– Ну вот. Теперь я получу инфаркт, терзаясь от незнания.

Я немного помялась.

– Кое-кто нанял меня отыскать Камень, о котором говорится в послании...

– Правда?! – обрадовался Эрикссон. – Это же замечательно!

– Давайте не будем устраивать праздник по этому поводу. Для меня мероприятие получилось вынужденным... Что вы знаете о Камне?

– О самом Камне – очень мало. Но я расшифровал надпись, которая находилась в начале ледяного лаза прямо за щитом. И теперь знаю, кем являлся тот огромный воин.

Мужчина передо мной отошел от стойки регистрации. Я осталась на месте, ожидая следующую фразу Эрикссона, и в очереди образовался разрыв. Кто-то за спиной не замедлил пихнуть меня локтем.

– Кто же он? – спросила я.

Пнула вперед сумку и мелкими шагами приблизилась к улыбающейся сотруднице аэропорта.

– Ваш билет, пожалуйста, – попросила она.

Я вытащила документы и шмякнула их на стойку. Не переставая искусственно улыбаться, девушка отделила от бумаг кредитную карточку «Виза» и вежливо двинула ее мне обратно.

– Обнаруженный айсберг является последним пристанищем великого конунга *Фенрира*, – поведал Эрикссон. Я вслушивалась в каждое слово. – Из-за устрашающей внешности и свирепого нрава его прозвали Волком – по аналогии с легендарным зверем Фенриром.

– Каким зверем?

– Древние викинги свято верили в фатальность и судьбу. Скандинавское язычество насквозь пронизано ожиданием неминуемого апокалипсиса. Согласно скандинавским легендам, в последней битве мифическое чудовище волк Фенрир уничтожит верховного бога Одина.

– «Рагнарёк», – вспомнила я. – «Гибель богов». Бабушка читала мне в детстве эти сказки.

– Порождение хаоса – волк Фенрир – закован в Вальхалле. Но наступит день, когда он вырвется из пут и проглотит солнце. Это знак. Чудовища начнут терзать трупы людей и зальют кровью Асгард – город богов. С востока, из Ётунхейма, заслоняясь гигантским щитом, придет великан Хрюм. Мировой змей выползет из моря на сушу. Бог-провокаатор Локи приплывет на корабле, собранном из ногтей покойников, и привезет с собой полчища мертвецов. В последней битве сойдутся боги и порождения хаоса. Огнедышащий волк Фенрир разинет пасть от неба до земли и проглотит верховного бога Одина...

– Пожалуйста, можете проходить на посадку.

Девушка протянула мне посадочный талон, продолжая улыбаться. А я понять не могла, что вокруг происходит. Перед глазами бушевала хроника скандинавского апокалипсиса.

Подхватила сумку и отправилась на таможенный досмотр.

– Вы меня слушаете? – спросил Эрикссон.

– Очень внимательно.

– Ага... Теперь вернемся к нашему гиганту из айсберга. Согласно некоторым упоминаниям, воинственный конунг по имени Фенрир жил приблизительно в четвертом-шестом веке нашей эры. Отличался неумной свирепостью и жестокостью. Историк Лагерфельт пишет, что конунг взял прозвище апокалипсического зверя, чтобы противник не только бежал от звериной внешности, но и страшился даже упоминать его имя. Примерно то же самое, как если бы Наполеон назвал себя Сатаной.

– Забавно, – произнесла я, ставя сумку на транспортер рентгеновского аппарата.

– Упоминания о конунге обрывочны и противоречивы. Он сражался, громил заморские города, а однажды исчез. Пропал навсегда. Говорили, что отправился за Священным Камнем и вроде как нашел его. Но больше никто Фенрира не видел.

– Мы видели его. Волк с дружиной плавал посреди Атлантического океана в импровизированной криогенной камере.

Я прошла металлодетектор, который, как ни удивительно, не зазвенел. Этот агрегат обожает находить спрятанные во мне железки. Каждый раз перед полетом случается конфуз. То ключи забуду в кармане, то про стальные набойки на каблуках. Сегодня повезло.

– В айсберге мы обнаружили последнее пристанище конунга. И, судя по рунному посланию на плите, Священного Камня при нем не было. Викинг спрятал его.

– Что это мог быть за Камень?

– Трудно сказать. В послании Фенрира, которое мы обнаружили, о Камне говорится как о награде и проклятии. Больше никакой информации.

– Поищите? – попросила я.

– Конечно, буду искать, – ответил Эрикссон. – Только у меня все книги украли! Некоторые – просто раритеты!

Я подхватила сумку и направилась к закрытому трапу.

– Кстати, доктор, раз уж мы заговорили об украденных вещах... Попробуйте вспомнить, которая из ваших фотографий не получилась?

Эрикссон задумался:

– Была одна бракованная, затемненная. Но я сейчас в таком волнении, что не могу вспомнить которая. Ох... Сердце снова болит. Как вспомню о варварском нападении на мой кабинет, так места себе не нахожу.

– Оставьте, Марк, не нервничайте! – Я вошла в тоннель вместе с другими пассажирами.

– Кстати, забыл сказать. Я перевел второе послание с плиты.

– И что же там?

Я протянула билеты стюардессе с точно такой же улыбкой, как и у девушки в пункте регистрации. За последние два дня меня так достали скалящиеся лица, что в следующий раз не вытерплю и заклею кому-нибудь рот лейкопластырем.

– Ерунда какая-то в этом послании, – произнес Эрикссон. – Ничего не понятно. Я испробовал множество вариантов перевода, но самым достоверным кажется следующий: *Беги от пиков чужеземных, похожих на отражение. Прыжок с утеса не всегда смертью оканчивается. Берегись прялки, ибо локоть заживет нескоро.*

Шпильки моих туфель намертво приросли к полу салона. Я замерла в оцепенении, смотрела на окружающих и не видела их лиц.

– Это было написано на плите? – переспросила я. Голос подвел – последнее слово прохрипела, словно закоренелая курильщица.

– Да, – ответил Эрикссон. – А что вас так насторожило?

Я ошупала покалеченный локоть, он отозвался стрельнувшей в предплечье болью. Вчера вечером обложила его льдом, которым обросла морозилка Лехинового холодильника. Утром место удара потемнело, но не раздулось. Я обмотала локоть эластичным бинтом и забыла о нем до этого момента...

«Берегись прялки, ибо локоть заживет нескоро». Под этими словами можно понимать что угодно... Но мне представилась швейная машинка «Зингер», в которую я врезалась локтем, когда упала с четвертого этажа.

– Алена, вы слышите меня? – произнес Эрикссон из трубки.

Следующая фраза: «Прыжок с утеса не всегда смертью оканчивается»... Попытка скандинавского мозга изречь философскую мысль? Или же речь идет о моем прыжке с балкона.

А первое предложение... Оно исключает неоднозначные толкования. «Бежать от ликов чужеземных, похожих на отражение». Древнее послание прямым текстом говорит о близнецах, разгромивших мою квартиру вчера.

У меня потемнело в глазах. Эрикссон тем временем продолжал вещать из трубки:

– К сожалению, я не успел перевести третье и четвертое послания. Грабители лишили меня фотографий.

Я ухватила за спинку ближайшего кресла, чтобы не упасть. Голова кружилась. С трудом подобрала слова, чтобы ответить Эрикссону:

– Я пришлю фотографии... из Лондона...

– Алена, вы отправляетесь в Лондон?

Подождала стюардесса. Заглянула в билет, который я выставила, словно собиралась воткнуть в компостер, и указала мое место. Я плюхнулась в кресло, продолжая прижимать трубку сотового к вспотевшему уху. Что еще ошеломляющего поведает Эрикссон?

– Я отправляюсь в Лондон, – произнесла с расстановкой. – Мне сказали, что в Британском музее находится болотная мумия, которая каким-то образом связана с конунгом из айсберга.

– Хромоногий Ульрих!

– В яблочко, доктор!.. Откуда вы знаете?

– Когда я вернулся в университет, то первым делом принялся искать связь наших находок с уже имеющимися археологическими данными. И обнаружил!.. В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году в торфяных болотах Кембриджшира было найдено тело древнего человека. Если внимательно рассмотреть сделанные вами фотографии дружинников, то становятся видны...

Я спешно достала из пачки матовые увеличенные снимки замороженной бригады. Перебрала несколько листов и остановилась на том, где в объектив попали головы двух викингов. Заросшие, оскаленные, дикие физиономии.

– ...с правой стороны в волосах есть примечательная косичка. Она сплетена не из трех, а из четырех прядей. На конце косичка фиксируется стальной застежкой с оттиском оскаленной волчьей пасти. Явный знак принадлежности к дружине Фенрира.

Тонкие косички в нечесаных шевелюрах обоих викингов получились на загляденье. Прямо как на моих снимках в школьном альбоме. Изображение волчьей пасти на застежке не рассмотреть. Эрикссон, очевидно, пользовался лупой.

– Вы хотите сказать, что у мумии из Кембриджшира такая же косичка?

– Нет. Волосы не сохранилась. Голова, впрочем, тоже... Но на веревке, которой связаны руки, имеется подобная. Вам лучше самой посмотреть.

– Обязательно посмотрю. В Британском музее у меня работает хороший друг. Надеюсь, он познакомит меня с Хромоногим Ульрихом.

Салон самолета незаметно заполнился. Стюардесса закрыла входной люк. Аэробус загудел двигателями.

– Мы, кажется, собираемся взлетать, – сообщила я, глядя в окно. – Вышлю фотографии, как только окажусь в Лондоне.

– Хорошо, Алена! Удачи.

Эрикссон повесил трубку. Я потеряла онемевшее ухо.

Называется, позвонила, чтобы проверить сотовый телефон!

В голове был кавардак. Столько информации за короткий срок! Нужно спокойно в ней разобраться, разложить все по полочкам. Четырехчасовой полет как раз к этому располагает. Нужно выявить стержень истории. А уже на него нанизывать известные факты. Тогда все станет на свои места, все будет логично и последовательно.

Одно только совершенно непонятно. Послания с плиты у ног замороженного викинга. Что с ними делать, куда их приткнуть? *Они настойчиво описывают события, которые происходят со мной!*

Моим соседом оказался приветливый старичок из Штатов. Последнее время по известным причинам я с настороженностью отношусь к людям с другой стороны Атлантики. Но этот человек был мил, забавен, а чуть позже выяснилось, что он ко всему еще и богат.

– Здорово богаты? – не удержалась я. Вообще-то не собиралась с ним разговаривать. Но слово за слово – и мы вышли на довольно откровенные темы.

– Ну-у... – произнес он, подумав. – Запуск спутника на орбиту могу профинансировать.

– Что же вы не летите первым классом? Там, говорят, шампанское бесплатное.

– А почему вы не летите первым классом? – Он смешно сощурился, глядя на меня. Прямо как дедушка Ленин.

– Мне такой билет купили, – развела я руками. – Пообещали море денег, а на билете сэкономили.

– Мне не нравится в первом классе, – признался он. – Там поговорить не с кем. Так легко, как с вами, не поболтаешь. Люди озабочены производственными планами, бизнес-процессами. Предел их мечтаний – обанкротить конкурирующую контору. Здесь народ проще. Кто-то мечтает о новом доме. Кто-то о детях. Кто-то о «порше». Кто-то о длинноухом щенке. Один строитель небоскребов признался, что мечтает стать режиссером и снять художественный фильм о строительстве средневекового собора... Кстати, а у вас есть мечта?

– У меня?.. Почему вы интересуетесь? – сурово спросила я. – Вы собираете людские мечты, а потом продаете их за деньги?

– В некотором роде. Я владею телевизионной компанией. Выдаю «жвачку» – сериалы, развлекательные шоу. И они нравятся зрителям.

– Ишь как я угадала... Пойдите! Получается, что люди рассказывают вам свои мечты, а потом вы трансформируете услышанное в сериалы и шоу, которые посылаете через телевизоры тем же самым людям? Вы продаете людям их же грезы!

– Ну, я перерабатываю материал. Трачу деньги на постановку, на зарплату телезвезд, на спецэффекты. Но в целом – да. Я продаю зрителям то, что взял у них. Круговорот в природе простейших фантазий. Вот, я признался. Теперь расскажите о вашей мечте.

– Моя мечта?.. Я мечтаю, чтобы эпилепсия не была такой болезненной.

– Нет, если серьезно.

Я задумалась:

– Если говорить серьезно, то это весьма серьезный вопрос. Я хочу обрести покой. Устала от бешеного ритма жизни, хочется отдыха... Может, мне в монастырь уйти?

– Это не мечта, – чуть слышно произнес мой попутчик. – Это желание.

– Невыполнимое желание – тоже мечта? – улыбнулась я.

Он кивнул в знак согласия, показывая, что больше не будет допытываться. И, кажется, обиделся. Он понял, что шкатулка не откроется. Я не открыла ему свою мечту.

Телемагнат с глазами дедушки Ленина углубился в газету. На первой странице крупными буквами выделялся заголовок: «Берега Средиземного моря накроет полное солнечное затмение». Мне развлекаться чтением газет некогда. Есть работа. Я вытасила фотографии, но, даже перебирая их, продолжала думать о его вопросах и краснела от стыда.

На самом деле у меня есть мечта. Не желание. Иногда она так сильно охватывает меня, что чувствую в груди трепетное жжение.

Но моя мечта не сбудется в этой жизни. Так стоит ли рассказывать о ней соседу по бизнес-классу – пусть даже он милейший старикан?

Вскоре я плавно и незаметно переключилась на размышления о цели моего путешествия.

Что за Камень я разыскиваю? Зачем отправился за ним свирепый конунг Фенрир по прозвищу Волк?

Мотивы викингов в принципе понятны. У древних скандинавов натура такая. Им легче было пуститься в далекое плавание, разгромить заморский город и вернуться израненными, чем день за плугом постоять. Они без таких развлечений жить не могли. Получается, что Фенрир отправился за Камнем ради подвигов, ради славы. Но где Волк пропал все это время? Ведь ни единой песни не дошло до нашего времени! Ни о его странствиях, ни о великих битвах. А ведь знатный конунг, свирепый! Яркий должен был оставить след. Единственный слух гласит, что он все-таки добыл заветный артефакт. Но где он отыскал Камень? И где его спрятал? Почему окончил жизнь во льдах Северного полюса?

Вытасила из сумки фотографии и плитку шоколада. Отправляя в рот черные ломтики «Фацер», стала перебирать снимки... И будто снова вернулась в холодные недра саркофага-айсберга.

Каждая фотография пробуждала пережитые в ледовой пещере ощущения, которые против моей воли отцеживала память. Вот вырезанные на ледяных стенах рельефы. Я сразу вспомнила, что, когда фотографировала их, за спиной кроме Эрикссона стоял страж с топором. Я знала, что он мертв. Но все равно волновалась – пальцы не слушались, «Кэнон» валился из рук, а в ушах еще звучал собственный крик.

В рельефах разобраться было трудно. Фигуры слишком примитивные. Викинги славились качеством стали и мастерствомковки, а вот художники из них получались неважные. Потому в некоторых запечатленных эпизодах человек ничем не отличался от дерева, а бывало и наоборот. Я пришла к выводу, что на стенах изображены какие-то сражения. Впрочем, могло ли быть иначе?

Снимок за снимком – я словно шла по айсбергу, который остался лишь на этих фотографиях, да еще в моих воспоминаниях. Фотография ледяной стены, в которую вмерзла дружина... А морды у викингов еще те – напоминают ряхи бомжей с городской свалки. Волосы – длинные и нечесанные, лица – опухшие от несоблюдения личной гигиены, хотя, возможно, и от каждодневного пьянства. Единственное отличие от бомжей заключалось в том, что у викингов фигуры атлетические, а в руках топоры.

Среди снимков попала фотография щита, который перегораживал вход в айсберг. Помните, исключительно ради этой штуковины Эрикссон вытасил меня из Москвы и сам полез на айсберг. Если бы не щит, не было бы заварухи с поисками Камня!..

Я стала разглядывать снимок. Несколько плотно подогнанных деревянных досок были заключены в стальную прямоугольную окантовку, образованную силуэтами бегущих волков. На поверхности – непонятные уголки, ломаные линии, отметины, похожие на следы топора.

Минут пять я пристально изучала щит, после чего пришла к выводу, что следы топора – не случайность. Рисунок явно что-то шифрует. Примечательная фотография. Нужно будет поговорить с Эрикссоном по поводу нее.

Перевернула матовый лист и столкнулась нос к носу со свирепым лицом конунга Фенрира. Взгляд остекленевших глаз был обращен не на меня, а куда-то вверх. Но все равно – при виде огромного бородатого лица и клыков, продавивших верхнюю губу, сделалось жутко. По позвоночнику пробежал щекочущий холодок. Современный залитый искусственным светом салон аэробуса вдруг исчез – словно раздвинулся, ушел за границы зрения. Я видела только эту фотографию, только неистовое лицо Фенрира...

С трудом оторвалась от страшного лика. Поскорее убрала снимок, сунув его в самый низ пачки. Открылся следующий. На нем оказались руки конунга, державшие меч. Когти на пальцах притягивали взгляд. Так и хотелось пощупать их, убедиться, что не накладные... Да, видимо, настоящие.

Я слышала, что некоторые дети рождаются с роговыми образованиями, похожими на когти. Генетическая проказа природы. ДНК вдруг бунтует, вспоминая прошлое, и создает зверя из человека. Эта деталь делала облик конунга ужасным. Ему даже не нужно было принимать кличку апокалипсического волка. Он и так жутко страшный...

На лезвии меча – возле его основания – какая-то пометка...

Я поднесла фотографию ближе к глазам.

Нет, это не брак негатива и не тень от вспышки. На лезвии темнели пять зарубок.

Странно. Что они означают?

Советские пилоты за каждый сбитый фашистский самолет рисовали на борту звездочку. Снайперы делали зарубку на прикладе, обозначая каждого подстреленного противника.

Меч конунга – верный спутник по жизни и помощник. Такой же, как истребитель «Як» для пилота или винтовка для снайпера. Что означают пять прочерченных линий на лезвии меча? Он что, зарубил пятерых человек?

Я осторожно выгащила фотографию с лицом Фенрира, глянула на нее и снова убрала.

Сильно сомневаюсь, что сей исторический деятель загубил лишь пять человеческих душ. Обладая таким огромным мечом, страшным лицом и властью конунга, родившись во времена завоевательных походов, когда моратории ООН не запрещали поджигать чужеземные города, – и чтобы этот Фенрир, высунув язык, горделиво выскребал на мече очередную полоску?! Да он собственных подчиненных – лодырей и предателей – рубил не щадя!.. А уж врагов, наверное, десятками... Может, и сотнями – все же знатный конунг!

Что же означают эти пять зарубок?

Фотографии не прояснили картину. Наоборот. Запутали ее окончательно.

Я решила не торопить события. Возможно, мумия из Британского музея чем-то поможет?..

Протянула руку за очередным кусочком шоколада. Пальцы ткнулись в пустую хрустящую фольгу. Посмотрела на нее вопросительно.

Оказывается, занятая мыслями и фотографиями, тихо и незаметно я уничтожила целую двухсотграммовую плитку.

Глава 5

Погоня босиком

Как я и ожидала, Лондон встретил дождем. Причем таким сильным, что сквозь ливневую пелену с трудом проглядывали здания аэропорта Хитроу. Зонт я конечно же с успехом оставила в Москве. Забыть о нем помогли два близнеца, забравшиеся в мою квартиру.

– Как отрицательно!

Мне нужен зонт. Возможно, удастся его купить в одном из магазинов аэропорта.

Перед таможенной стойкой обнаружила, что у меня трясутся руки. Вначале удивилась – в каких только странах не проходила таможеню! Потом вспомнила про поддельный паспорт... И затряслась всем телом.

Тревога усилилась, когда я увидела, как за соседней стойкой пограничник терзал русскую семью вопросами, более подходящими контрразведчику: «Куда направляетесь?», «На кого работаете?», «Кто оплатил вашу поездку?» Пузатый отец семейства вспотел, отвечая чистую правду, и ежеминутно обтирал лысину платком. Что тогда остается мне при подобном «внимании»? На секунду представила, как расскажу про полужнакомого Сашу, бородатого викинга и болотную мумию, – и меня едва не стошнило на рядом стоявшего джентльмена.

Ничего, однако, не случилось. Для граждан Евросоюза паспортный контроль не представлял сложности. В том числе для Алены Цойгель – неизвестной дамы, фамилия которой отпечатана в паспорте под моей фотографией.

Пожилый усатый таможенник лишь кивнул, увидев развернутые корочки, и произнес:

– Добро пожаловать в Объединенное Королевство!

Я дебильно ему улыбнулась и на негнущихся ногах поспешила прочь.

В одном из магазинов аэропорта обнаружила целый отдел зонтов. Поглядела через стекло на выставленные ценники, покопалась в кошельке и решила, что настала пора воспользоваться кредитной картой.

ЧИП-код был приклеен к карточке с обратной стороны. Я содрала бумажку и наклеила ее в уголок зеркала косметички. Затем вонзила кусок пластика в банкомат.

На счету оказалась тысяча фунтов. Даже не целая. Девятьсот восемьдесят.

Я долго смотрела на чек.

Вот так жмоты, эти «Интеллидгент сервис групп»! Лихо же они кинули меня с деньгами! Подкупали гигантскими суммами, от которых можно умом тронуться, а на расходы выдали жалкую тысячу. И это для Лондона – одного из самых дорогих городов Европы!

Впечатление такое, что это остаток счета какого-то олигарха, который погулял-покутил, да и отдал карточку своему водителю.

– Ну попадись мне этот Саша! – процедила я сквозь зубы.

Когда входила в магазин, в голове всплыла еще одна мысль. Вдруг денег мне дали в обрез лишь потому, что я сама и мои услуги требуются этим финансистам на очень короткий период? На день или два? А потом меня просто бросят в Лондоне. Как японским летчикам-камикадзе заливали в бак горючего ровно столько, чтобы долететь до американского крейсера, так и мне: пихнули немного денег, чтобы продержалась на плаву некоторое время.

Задание все больше и больше не нравилось.

Зонт в Англии такой же неотъемлемый предмет национального костюма, как у нас валенки. Я выбрала большой, складывающийся вдвое «Фултон» за тридцать фунтов. Дорого, но рассчитывала пользоваться им не только там, но и в Москве. Качественная вещь, крепкая. Не китайская дохлятина, которую выворачивает наизнанку, как только кто-нибудь чихнет в радиусе двух метров.

От аэропорта до центра Лондона доехала в метро. Когда выбралась на поверхность, дождь уже перестал лить, и проверить приобретение не удалось.

Лондон всегда выглядит как старый и добрый знакомый. Я таким его и представляла, когда читала в детстве Конан Дойла и Стивенсона. Мрачный Тауэр и знаменитый мост перед ним, башни Вестминстерского аббатства, туманная Темза, обязательный Биг Бен над ней – высокий и строгий... Город такой же, как в моих девических книгах. Только жизнь в нем изменилась. По сравнению с временами Конан Дойла, с улиц исчезли викторианская размеренность и неторопливость. Конные повозки и кебы сменили автомобили и красные двухэтажные автобусы. Прогуливающихся джентльменов с тросточками и холодных леди смела плотная толпа куда-то спешащих людей. Среди них – половина с фотоаппаратами и видеокамерами. Туристы. К их числу можно отнести и меня, но мне некогда рассматривать Букингемский дворец или гулять по магазинам Оксфорд-стрит. У меня дела.

Отыскала в записной книжке телефон моего знакомого. Набрала номер на сотовом, вдавливая ногтем крохотные кнопки. Миниатюризация скоро дойдет до того, что кнопки придется нажимать иголкой.

– Генри, привет! Это Алена Овчинникова!

– Оффчинникова?.. – задумчиво повторил голос из телефонной трубки. Потом дошло: – Алена!! Алена, душа твоя пропащая! Я все жду-жду, когда ты в гости приедешь. Давно обещала!

– Вот и приехала, – произнесла я в трубку, искренне улыбаясь.

– Это... потрясающая новость! Надолго?

– Как получится. Я по делам. И дела мои связаны с Британским музеем.

– К черту дела! Сначала в ресторан. Устрицы и французское шампанское томятся в ожидании!

– К сожалению, сначала дела. Меня интересует один из ваших экспонатов. Это болотная мумия под названием «Хромоногий Ульрих».

– Хмм... – замялся на секунду Генри. – Она не совсем экспонат. То есть да, мумия хранится в музее. И интересная, и древняя, но выставлять ее для обозрения мы не решаемся по этическим соображениям. Смерть этого человека была жестокой. Кто-нибудь из посетителей может испугаться, упасть в обморок или подавиться чипсами. Поэтому мы храним мумию в запасниках.

– Я могу на нее взглянуть?

– Ну разумеется!.. Приезжай прямо в музей. Встретимся у входа в Египетский зал.

– Договорились! Только, Генри, умоляю... Оркестр и цветы подождут до следующего раза.

До музея добралась на автобусе. Думала об археологии и о своей роли в этой науке – прямо скажем, не последней! Возгордившись, вышла на остановку раньше, чем нужно. Сообщила об этом, когда красный двухэтажный автобус скрылся за углом. Пришлось оставшуюся часть пути топтать пешком.

До площади Грэйт Рассел Стрит, где расположился главный вход в Британский музей, шла по симпатичной аллее. Клены и тополя уже надели пестрый осенний наряд, мокрую после дождя асфальтовую дорожку усыпали желтые листья. Слева тянулись стены музея, отгороженные от меня чугунными прутьями забора.

Британский музей – впечатляющий по красоте и размаху комплекс, построенный в античном стиле (неоклассицизм, если быть точной). Здания образуют замкнутый квадрат. В их галереях размещены богатейшие коллекции ассирийской, египетской, римской и древнегреческой культур. В девятнадцатом и начале двадцатого века британские археологи имели привычку возвращаться на родину вместе со всеми своими находками, поэтому залы музея изобилуют редчайшими экспонатами древности.

В центре квадрата зданий виден огромный купол, в котором находится одна из крупнейших библиотек мира. Она содержит шесть миллионов томов. Еще исследователь купли-продажи штанов и теоретик коммунизма Карл Маркс сживал тут. Но об этом расскажу позже...

Взглянув в сторону музея, обнаружила возле служебного входа небольшой фургон с надписью на борту «Перевозки Томсона». Шрифт почему-то был готическим. Слово это Томсон поставляет древности в Британский музей прямым из Средневековья, а обратно возит для короля Артура и рыцарей Круглого стола чизбургеры и кока-колу. Нашел дорожку через эпохи и колесит по ней.

Фургон остался позади. Я потеряла его из виду, обогнув очередное здание, вставшее поперек пути. Цокая каблучками по мокрым каменным плитам, вышла наконец на площадь, с трех сторон окруженную стенами со впечатляющей колоннадой, которая напоминала о греческом Парфеноне. Над входом, устроившись под треугольным срезом крыши, замерли скульптуры богов-олимпийцев, а над их головами, на гребне, гордо реял сине-красный британский флаг. Я, конечно, понимаю, что, водрузив флаг на высокое здание, британцы продемонстрировали свой патриотизм. Но под опеку Юнион Джека случайно попали и греческие олимпийцы. Будто и они, подобно Британскому музею, исконная собственность короны.

Войдя в помещение, повернула в залы античного Ближнего Востока. Немного поплутала в них, затем отыскала стрелочки указателей. Не задерживаясь возле ассирийских бородатых львов и каменных барельефов, добралась до входа в Египетский зал. Побродила между древних саркофагов и доисторической кухонной утвари. Наконец подошел Генри Уэллс.

Мой знакомый был большой и высокий, с тяжелой слоной поступью, от которой, как мне показалось, дребезжали стекла и сотрясались экспонаты. Седовласый, со шкиперской бородкой... Он – историк при музее. В свободное время пишет фантастические рассказы, за что прозван коллегами Гербертом Уэллсом.

– Здравствуй, Генри! – сказала я, смиренно улыбаясь.

– Добрый день, леди Овчинникова... Или правильнее тебя теперь называть фройляйн? Слышал, ты стала обладательницей древнего баварского замка?

– Это ложь, – быстро ответила я. – Замок Вайденхоф завещан мне, но я не собираюсь вступать во владение.

– Если не нужен, может, подарить? Всегда мечтал жить в средневековом замке, – широко улыбаясь, произнес Генри.

– Я не против. Только там холодно, мрачно, а еще старый слуга имеет обыкновение экономить ночью на электричестве. Поэтому в комнатах иногда такая тьма, будто тебя заживо похоронили.

Генри поежился, шмыгнув носом. Ведущий сотрудник Британского музея, почетный доктор университетов Лондона, Брно, Праги и Осло, просто большой в физическом смысле человек, как малое дитя, боялся темноты. Поздно вечером по улицам не гулял, на ночь перед кроватью ставил зажженную лампу, в его карманах всегда имелся фонарик. Причин своей ноктофобии Генри не раскрывал, но коллеги шутили, что Большому Уэллсу в темноте видятся чудовища из его собственных фантастических рассказов.

– Так где же мой Хромоногий Ульрих? – спросила я. – Жду с нетерпением, когда познакомлюсь с его высушенной личностью.

Генри не шелохнулся. В глазах еще стоял страх перед темнотой замка Вайденхоф, которую я описала. Сразу видно, что у человека богатая фантазия.

Он постоял, уставившись на меня, затем помотал головой, стряхивая наваждение. Достал из кармана леденец, отправил в рот и промурлыкал:

– Что ж, если ты предпочитаешь общаться с мертвыми, а не с живыми, тогда пошли... Возьми конфетку.

Я взяла у него леденец, но есть не стала. Мы отправились по залам, и я тут же забыла про конфету. Она так и осталась в руке. Генри шел впереди, широко расставляя ноги и разводя руки в стороны, словно ему под мышки вставили по валику. Та независимость, с которой он держался, полное игнорирование египетских гробниц и древнегреческих бюстов создавали впечатление, что Генри – хозяин всего музейного комплекса. Толпы посетителей вокруг казались гостями, которые очутились в доме вопреки его воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.